

Беседы у камина

Анна Легенская

№ 6

Рубрики

От редакции	2
Казнить нельзя помиловать или как мы пишем	26

Стихи

Иван Гладких	11
Ляля Князева	18
Роман Девятин	18
Олег Карелин	21
Евгения Усынина	21
Павел Корытко	24
Марина Киевская	24
Артем Махотин	30
Наталия Дичева	30
Луиза Мударова	35
Анастасия Деспери	46

Проза

Михаил Соболев	3
Виктор Ниекрашас	14
Елена Дашкова	20
Евгений Петропавловский	25
Николай Каверин	31
Ищущий	37
Владимир Жириков	47
Гретхен Шноль	52
Катерина Кульянова	54
Елена Панферова	57
Ксения Милешкина	58
Светлана Дурягина	59

Рисунки

Анна Легенькая	обложка
Бетти Лояль	13
Алла Потехина	19
Светлана Халикова	29, 36
Дарья Кузнецов	51

Публицистика

Ирина Кириченко	22
Оксана Горошкина	40

Здравствуйте, дорогие читатели!

Перед вами шестой номер нашей газеты — последний в уходящем году. В конце года принято подводить итоги, и мы решили не изменять этой традиции. На базе всех изданных до сегодняшнего дня номеров мы планируем создать итоговый выпуск «Беседы у камина — избранное». В этот выпуск войдут избранные произведения за весь год.

Вы, наши читатели, тоже можете принять участие в создании итогового номера. Пишите нам на e-mail газеты, или через форум о тех стихах, рассказах, рисунках, статьях, которые вам по-настоящему понравились, запомнились и не оставили равнодушными.

Все это планы на ближайшее будущее, а пока вернемся к настоящему. В шестом выпуске открывается новый цикл статей о наиболее распространенных ошибках, которые допускают авторы, пишущие на русском языке. Называется цикл «Казнить нельзя помиловать или как мы пишем» и открывается статьей о деепричастиях.

Цикл статей «Об истории языка» будет продолжен в следующих номерах нашей газеты.

Кроме того, в номер вошла статья «В мире самиздата», которая расскажет вам не только о самиздате как о понятии, но и о некоторых самиздатах, которые сегодня существуют.

Рубрику «Выбор читателя» в шестом номере вы не увидите. Зато вас ждет много новых встреч с совершенно разными по характеру стихами и рассказами. Надеемся, они придутся вам по вкусу.

Желаем вам приятного прочтения!

Всегда ваша, редакция БУКа.

От редакции

1. Дядя Серёжа

Не так-то просто поздним вечером проникнуть в чужую квартиру. Поднимаясь по плохо освещённой, заплёванной лестнице старой пятиэтажки, я невольно замедлял шаги, стараясь не стучать каблуками. Может, вернуться, а вдруг соседи позвонят в милицию? Как назло ключ никак не хотел попадать в замочную скважину. Наконец замок щёлкнул и я, стараясь не скрипнуть, приоткрыл чужую дверь и юркнул в спасительную тьму прихожей. Какое-то время постоял, стараясь успокоить дыхание и дать глазам привыкнуть к темноте. Так, возьми себя в руки. Давай по порядку: тумбочка у кровати, верхний ящик, зелёная папка...

В середине шестидесятых, в новогоднюю ночь, сияющая тётя Марина — младшая сестра моей мамы — привела к нам на смотрины бравого сержанта Сергея. Будущий зять сразу же всем понравился. Я же, пятилетний восторженный мальчишка, с первого взгляда влюбился в весёлого подтянутого военного, одетого в украшенную значками парадную гимнастёрку, галифе и блестящие сапоги.

После демобилизации, расписавшись с Мариной, Сергей стал работать водителем троллейбуса. Прожив несколько лет в общежитии, молодые получили однокомнатную квартиру на другом конце города, на Гражданке. Строили в те годы много. Детей у Сергея и Марины не случилось, бог не дал. Время летело незаметно: взрослые старились, я рос. Учёба, армия, женитьба, семья. Заболела и умерла тётя Марина. На похоронах Сергей Иванович горе своё не показывал — держал себя в руках. Потом долго не видались. Иногда, сквозь телефонные помехи, я с улыбкой узнавал знакомый с детства голос любимого дядюшки, каждый раз давая себе слово навестить и каждый раз забывая о своём обещании. Ходили слухи, что дядя Серёжа стал попивать. И опять я не нашел времени съездить на Гражданку... Неожиданно получаю письмо, подписанное главврачом психиатрической больницы им. Степанова — Скворцова с предложением навестить Морозова Сергея Ивановича в связи с тяжёлым состоянием больного. Сергея Ивановича узнаю с трудом: кожа да кости, дрожащие худые руки, пустые, обращённые внутрь себя глаза, слипшиеся в сосульки остатки когда-то роскошных кудрей. Мелкими суетливыми движениями он обирает с себя что-то, одному ему видимое. Утерев глаза и чуть успокоившись после встречи, дядя просит:

— Миша, съезди ко мне и привези сюда зелёную папку, с завязочками такая, в верхнем ящике прикроватной тумбочки лежит. Привези, будь другом.

Я, пряча глаза, говорю о его скором выздоровлении, но дядюшка отворачивается к стене. Лечащий врач, отдавая ключи от квартиры больного, подтверждает то, о чём я догадываюсь сам:

— Три приступа белой горячки подряд за полгода, печени нет, сердце, как наполненный водой презерватив. День, два — не больше!

Включив неяркий боковой свет в комнате, я принялся за поиски.

Ага, вот и папка. Любопытно, что там такого ценного, раз дядюшка при смерти послал меня за ней, на ночь глядя? В папке покоилась небольшая пачка принтерных распечаток страничек одного из сервисов онлайн-дневников. Интересно.... Очень даже интересно.

2. Неприкасаемая.

НЕПРИКАСАЕМАЯ Вторник 23 февраля 199..г .

21:13. Я — Неприкасаемая. Сегодня принимала зачёты по теоретической механике. Группа не подготовлена. Ребята ещё кое-как, на троечку тянут (не все). Девицы же не готовы поголовно. Как я нехорошо сказала. Хотя, иногда хочется назвать кое-кого поголовьем. Потом кафедра, шейпинг. Домой приползла чуть живая. Всё. Отдыхать.

Среда 03 марта 199..г.

22:03 Я — Неприкасаемая. Сегодня только «две пары», надеялась вернуться домой пораньше, но пришлось два часа зевать на семинаре. Профессор Свешников докладывал о новых министерских методиках преподавания. Мрак.

Записалась на субботу в косметический салон. По полной программе. Ничего не жалко для себя любимой.

Не забыть попросить Алевтину Сергеевну достать билеты в Большой. Дают «Турандот». Хотя чего это я, пускай Стас побеспокоится. Спать, завтра трудный день.

Понедельник 08 марта 199..г.

23:04 Я — Неприкасаемая. Боже, как хорошо! Праздник, весна, выходной. Стас такой милый. Всё. Цветы в вазы и — на телефон. Мама в Стокгольме. Днём она была на приёме в посольстве.

Сейчас самое время поздравить мамулю с праздником. Я счастлива.

23:21 Комментарии: Я Сергей Морозов. С Праздником Весны Вас, Прекрасная незнакомка. Случайно наткнулся на Вашу страничку и не смог пройти мимо. Этот Ник «Неприкасаемая». Обжигает. Наверное, Вас кто-то очень сильно обидел?! Извините.

НЕПРИКАСАЕМАЯ Вторник 09 марта 199..г.

21:05 Я — Неприкасаемая. Спасибо за поздравление. Нет, со мной всё в порядке, а Ник — это так, игра.

Понедельник 15 марта 199..г.

20:47 Я — Неприкасаемая. Очень люблю весну. Но, к большому моему сожалению, именно весной времени, ну, совершенно не хватает. Постоянный цейтнот. Всё на бегу, никуда не успеваю. Звонила мама, задерживается и, похоже, надолго, месяца на два. Боже, как я не люблю готовить. Ничего, чай не в тундре живу — в столице. Утром — мюсли, сок, кофе. Обед в универе, кормят там теперь неплохо и буфетик чистенький. А вечером кафешка или полуфабрикат и микроволновка, по обстоятельствам. Прочитала в Яндексe. Оказывается в Москве кафе и кофейни расположены по 1470 адресам. Это вам не Урюпинск!

Суббота 28 марта 199..г.

16:14 Я — Неприкасаемая. Выходной, целый день дома. Никто не звонит, не беспокоит — спала до одиннадцати. Сегодня же позвоню в агентство, пускай подберут женщину — убираться. Дня три в неделю. Первую попавшуюся брать нельзя. Нужно приглядеться. Домработница должна быть порядочная, не из этих, приезжих, которые сразу регистрацию и угол просят. Немолодая, но и не старая. Семейная, чистоплотная. Господи, да где же её найти, такую? Водятся ли они сейчас?

16:25. Комментарии: Я — Сергей Морозов. Здравствуйте, Прекрасная незнакомка. Не помешаю

16:25 Я — Неприкасаемая. Здравствуйте, если не шутите. Вы что-то хотели спросить? Честно говоря, я уже убегаю.

16:27 Комментарии: Я – Сергей Морозов. Тогда не буду Вас задерживать. Извините, в другой раз. До свидания.

16:40 Я – Неприкасаемая. До свидания.

3. Сергей Морозов.

НЕПРИКАСАЕМАЯ Четверг 01 апреля 199..г.

22:03 Я — Неприкасаемая. Конец недели. Устала как ломовая лошадь. Скорее бы выходной!

22:03 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Добрый вечер, Прекрасная незнакомка.

22:04 Я — Неприкасаемая. Опять Вы? Здравствуйте, я Вас очень попрошу не называть меня «Прекрасной незнакомкой».

22:05 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Воля Ваша. А как можно называть?

22:05 Я — Неприкасаемая. Не знаю, как угодно, только не «Прекрасной незнакомкой». Вы же никогда мене не видели. Откуда Вы можете знать, насколько я прекрасна.

22:06. Комментарии: Я — Сергей Морозов. Все женщины прекрасны, только каждая по-своему. Хорошо, я Вас буду называть просто «Незнакомкой».

22:07 Я — Неприкасаемая. Расскажите о себе.

22:07 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Боюсь, Вам будет неинтересно.

22:08 Я — Неприкасаемая. Отчего же. Расскажите.

22:08 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Хорошо. Я человек простой. Родился в деревне на Брянщине. Босоногое голодное детство. Отец оставил нас рано — надорвался в лесу на заготовке дров. Детишек у матери было пятеро, я — младшенький. Мальчонкой пас коров. Потом школа, начальная, восьмилетку оканчивал в вечерней, после армии. Работал в колхозе. Служил в Ленинграде. Сбежать из колхоза в то время можно было только через службу в Армии: колхозники паспортов не имели. Женился. Окончив курсы водителей троллейбуса, пятнадцать лет проработал на линии. Выработав минимальный стаж, необходимый для получения льготной пенсии, перешёл на работу в депо, слесарем. Знаете, что такое скользящий график работы водителя? Подъём в три часа утра или окончание работы в половине первого ночи. Недосып, сухомытка, нервные перегрузки... Три года тому назад овдовел. Скушал как мою Марину за полгода...

Сейчас, задним числом, задумываюсь. Как мы жили с Маришей? Детей нам бог не дал. Оба работали. При моём сумасшедшем графике работы, иногда неделями, считай, не встречались. Приезжаешь ночью с работы — спит. Вскочит, поставит ужин на плиту, чмокнет в щёчку и — досыпать: вставала рано, в половине шестого. Встречала меня всегда, знала, что мне нравится, хотя и корил её за это.

Жили хорошо, ничего не скажешь. В доме достаток. Не ругались. А поговорить по душам — некогда. Всё время бегом.

Вы тоже, смотрю, спешите?!

22:24 Я — Неприкасаемая. Вы хорошо излагаете. Учились, книги читаете?

22:24 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Как-то так сложилось, что всю жизнь во время работы было время подумать. Когда пас коров — целый день в поле один. Выгонишь, бывало, стадо на пастбище, приляжешь на бережку, в тенёчке, и мечтаешь о дальних странах, о больших городах. В армии служил в роте охраны. Все три года на посту, один. На линии много не поразмышляешь. Движение в Питере — не дай бог. Зато: утренняя и вечерняя развозка, двухчасовые разрывы в графике, техстойки. В депо стал работать: настроишься — руки работают, а голова свободная... Кто-то думает, а многие пьют, чтобы не думать.

22:40 Я — Неприкасаемая. Да, Сергей Морозов, честно говоря, не ожидала. Расскажите ещё что-нибудь. В детстве мечтали о дальних странах, наверное, много путешествовали?

22:41 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Не довелось. Была жива Марина, ездили в отпуск на машине. У нас была старенькая «Нексия». Осенью, иногда, ездили в лес: по ягоды, по грибы. Мишка, племян мой, тот да, поездил. И на Сахалине побывал, и на БАМе, в экспедициях всю Сибирь пешком протопал. Начнёт рассказывать, так хоть прямо сейчас бросай всё и беги на вокзал. Как наяву: верхняя полка, мерный перестук колёс, приглушённый говор соседей по купе, мелькание перелесков за окном и тихая песня, под гитару.

Пожалуй, расскажу Вам об одном моём дорожном приключении. Только в другой раз. Завтра на работу рано вставать. До свидания, Незнакомка.

22:43 Я – Неприкасаемая. До встречи.

НЕПРИКАСАЕМАЯ Суббота 03 апреля 199..г.

23:01 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Добрый вечер, Незнакомка. Весь вечер жду Вас и, наверное, не дожусь.

Начинаю обещанный рассказ. Может быть, ещё подойдёте сегодня. Как я уже рассказывал, в отпуск мы ездили на своей машине. Свою любимицу «DAEWOO NEXIA», я ласково называл Ксюшей.

Пассажир с нами был особенный, можно сказать, уникальный, в своём роде, пассажир. Крупный метис чепрачной масти по кличке Акбар. Ох, и лютый был пёс! Ко мне никого не подпускал: ни старого, ни малого. Даже на Марину рычал. Так все тринадцать с половиной лет в наморднике и проводил, до самой его смерти... Он у нас за штурмана был. Сидел на заднем сидении и смотрел только вперёд. Вдруг не туда свернём! Ответственный был. Пока на место не приедем, ни за что не ляжет. Уставал под старость так, что лапы его не держали. Выпустишь из машины, прыгнет — и упадёт.

Эх!.. Нет у меня уже ни Марины, ни Акбара, ни Ксюши! Ну, это я так. Марина у меня ивановская. Посёлок Подозёрский утонул в болотах на границе Ивановской, Ярославской и Костромской областей. Раньше на торфопредприятии всё трудоспособное население работало — кормились. Сейчас грибы-ягоды собирают, в городе продают, да на бирже труда пособие по безработице всем посёлком получают – перестроились!

Всё честь по чести, отгуляли отпуск, помогли старикам с картошкой, себе заготовили варений да солений — зима длинная. Пора и честь знать! На проводах мне не наливают, знают, что в дорогу — ни грамма, как не уговаривай. Привыкли уже.

Выехали рано, в 6 утра, чтобы до темноты домой успеть. Тысяча вёрст — не шутка, всё может случиться! Часам к одиннадцати Рыбинск миновали. Перекусили. До Череповца оставалось километров 60. Второй час дня. Солнце, трасса пустая — воскресенье. Дорога хорошая. Подразогнался, за сотню. Слева — Рыбинское водохранилище, справа — поле, кустики мелкие, берёзки стоят.

Лось! Молодой. Гон у них в это время. Справа, из кустиков. Два мощных прыжка — и на дорогу, глянул на меня — и на ту сторону, чуть под углом к трассе. Скорость большая, машина перегружена — тормозить нельзя. Чуть педаль тормоза прижал, отпустил. Руль вправо, к обочине, и сразу — назад, на шоссе! Так «левыми бортами» и разошлись. Когда уже разминулись, Мариша локтем лицо закрыла и завизжала.

— Собака! — в сердцах, выругался я, — на что жена мне резонно возразила:

— Какая собака! Лось!!!

Пришлось согласиться. Акбар так ничего и не понял. Вот такой экипаж. Когда дома мыл машину, заметил на левой передней стойке засохшие брызги навоза. Только тогда испугался. Говорят, что если лось не может убежать, разворачивается навстречу машине и встречает её рогами. Ау! Незнакомка... Не пришла.

4. Не покидайте меня.

НЕПРИКАСАЕМАЯ Среда 05 мая 199..г.

14:36 Я — Неприкасаемая. С удовольствием прослушала Вашу дорожную историю. Вы не простой человек, Сергей Морозов. Вы, Сергей Морозов, — человек интересный.

21:43 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Спасибо, знакомка. Давно Вас не было. Не примите за ухаживание, но я скучал.

22:30 Я - Неприкасаемая. Мне приятно, Сергей Морозов. А что, за мной и поухаживать нельзя?

Шутка. Я уезжала в срочную командировку.

22:30 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Далеко?

22:31 Я — Неприкасаемая. В Бостон. У нас с тамошним университетом заключён договор по обмену опытом. Раза два в год в Москву приезжают наши американские коллеги. Работать. Ну, и, конечно, культурная программа. И мы летаем в Бостон. Не так часто, когда финансы позволяют.

22:32 Комментарии: Я — Сергей Морозов. А Ваше имя до сих пор тайна?

22:33 Я — Неприкасаемая. Пусть пока буду «Незнакомкой».

22:33 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Хорошо. Вы работаете в МГУ?

22:33 Я — Неприкасаемая. Да, на физмате.

Комментарии: Я — Сергей Морозов. А при чем здесь теоретическая механика? Мне всегда касалось, что этот предмет изучают в технических вузах?

22:34 Я — Неприкасаемая. Вот вы о чём! Это приработок, Сергей. В Москве жизнь дорогая. Приходится брать дополнительные часы в других учебных заведениях. По совместительству я преподаю в двух вузах: подменяю отпускников, заболевших, как придётся. Веду механику, сопромат и начертательную геометрию.

22:35 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Мишка учился здесь, в Питере, в Военмехе. Рассказывал, что перед экзаменами по сопромату преподаватель любил повторять студентам такую фразу: «В Ленинграде наступают белые ночи, а для вас – чёрные дни». Бостон — это Америка?

22:36 Я — Неприкасаемая. Да, штат Массачусетс. Один из крупнейших университетов США. А Вы, Сергей, не пробовали учиться?

22:37 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Поступал в педагогический, в Герцена.

22:37 Я — Неприкасаемая. Ну, и как?

22:38 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Не сдал. Завалился на первом же экзамене по биологии. Я всё больше про кости учил. Про кости я бы сдал. А мне первый вопрос попался о мхах. Так экзаменатор и спросил:

— Что можете рассказать о мхах, молодой человек?

— Скажите, Незнакомка. Что можно рассказать о мхах?

Я огляделся: на стене стенд «Лесотундра». Ну, я и ответил:

— Мхи растут в лесотундре.

Преподаватель мне:

— Вы, видимо, хотели сказать, в тундре?

— И в тундре, тоже.

— Что ещё можете пояснить по существу вопроса?

— Каков вопрос, таков и ответ, профессор.

Ну, мне, этак, ненавязчиво и предложили позаниматься и приходить на следующий год.

22:44 Я — Неприкасаемая. Это Вы сейчас придумали? Импровизация или домашняя заготовка?

22:45 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Ну, не совсем сейчас, но придумал. Надо же было Вас как-то рассмешить. У меня, если помните, за плечами 8 классов вечерней школы и курсы водителей. Какой может быть вуз?

22:46 Я — Неприкасаемая. Для восьмиклассника Вы развиты. Расскажите какую-либо из Ваших замечательных историй, Сергей, пожалуйста.

22:47 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Обещаю, вот только сочиню.

22:47 Я — Неприкасаемая. Буду ждать. Если меня не будет на сервере, не уходите совсем. Не покидайте меня. Мне с Вами легко. До встречи, Сергей.

22:48 Комментарии: Я — Сергей Морозов. До встречи, Незнакомка.

НЕПРИКАСАЕМАЯ Воскресенье 09 мая 199..г.

14:00 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Поздравляю с Великим праздником Победы, Незнакомка. Заскочу вечером, может быть, застану. До встречи.

21:40 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Вас нет, празднуете? До встречи.

НЕПРИКАСАЕМАЯ Понедельник 10 мая 199..г.

22:03 Я — Неприкасаемая. Спасибо, Вас тоже с праздником, Серёжа. Пусть сбудутся ваши мечты.

НЕПРИКАСАЕМАЯ Вторник 11 мая 199..г.

21:14 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Ну, никак нам не повстречаться. Помнится, просили историю. Ничего не сочиняется. Хоть — тресни!

Интересно ли Вам слушать меня? Думаю, что для вас — это примитивно. Преподаёте в МГУ, кандидат наук, наверное. Интеллигентная молодёжь сейчас всё больше эстетствует. Изобрели свой язык, юморят, жонглируют словами. Сплошные символы. Рисуются. Не понимают, что умный и образованный человек даже сверхсложную идею может любому объяснить на пальцах. Высшей степенью интеллигентности всегда считалось умение разговаривать на языке собеседника. Простите меня, Незнакомка. Это я не о Вас. Сегодня из меня плохой рассказчик. Хотелось бы увидаться.

22:40 Я — Неприкасаемая. Серёжа, простите, я задержалась. Что-то мне не нравится Ваше настроение. Всё хорошо! Вы зря комплексуете. Приходите. Я с Вами отдыхаю. Приходите. С историей или без.

Мне это нужно.

Пожалуйста.

НЕПРИКАСАЕМАЯ Суббота 15 мая 199..г.

21:37 Я — Неприкасаемая. Ежедневно захожу на свою страничку, а Вас, Серёжа, всё нет и нет.

22:13 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Жаль, чуть-чуть разминулись. Я привык, что Вы заходите сюда поздно. Жаль.

22:13 Я — Неприкасаемая. Привет, я здесь.

22:14 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Привет, очень рад Вас видеть. Хм... Не видя.

22:15 Я — Неприкасаемая. Кто знает, может быть, это и к лучшему.

22:15 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Мне бы хотелось заглянуть в Ваши глаза.

22:16 Я — Неприкасаемая. И что же Вы там увидите, Серёжа?

22:16 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Мне думается, грусть.

22:17 Я — Неприкасаемая. У меня всё хорошо, Серёжа. Любимая работа. Я востребована. Пока не замужем, но при моей занятости ... По крайней мере, не теперь.

А почему у Вас минорное настроение, Серёжа? Прекратите. Вы очень хороший человек и интересный собеседник. Мне с Вами легко и просто. Я благодарна судьбе за то, что Вас встретила, и мы подружились. Давайте оставим всё как есть. И не потому, что Вы мне не пара. Поверьте, так будет лучше. Для нас обоих. Не обижайтесь, Серёжа!

22:21 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Даже не знаю, что вам сказать.

22:22 Я — Неприкасаемая. Всё хорошо. Ну, улыбнитесь. Я хочу Вас запомнить весёлым, остроумным и жизнерадостным.

22:23 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Мы, что, больше не увидимся? Что случилось? Я ни на чём не настаиваю. Для меня встречи с Вами — всё! Я одинок. У меня кроме Вас никого нет. Я не хочу прощаться!

Я устал расставаться!

22:24 Я — Неприкасаемая. Успокойтесь, всё будет хорошо, обещаю. Мне на какое-то время придётся

отъехать. В жизни всё может случиться. Не забывайте свою Незнакомку, Серёжа. Желаю Вам счастья. Мне было с Вами тепло.

22: 25 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Вы уезжаете? Надолго? А как же Ваша работа? Сейчас везде можно найти интернет, свяжитесь со мной, как приедете.

22:26 Я — Неприкасаемая. Боюсь, Серёжа, что там, куда я уезжаю, интернет ещё не подключили.

22:27 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Ну как же? Почему так вдруг? О, Господи!

5. Жду. Скучаю.

Воскресенье 22 августа 199..г.

14:45 Комментарии: Я – Сергей Морозов. Три месяца прошло с нашей последней встречи. Три месяца и семь дней.

Посещаю Вашу страничку, Незнакомка. Просматриваю нашу короткую переписку. Пишу, стираю, опять пишу и опять стираю.

Мне Вас не хватает. Жду. Скучаю.

6. Как мне с этим жить?!

Суббота 30 сентября 199..г.

16:48 Комментарии: Я — Сергей Морозов. Незнакомки больше нет.

Незнакомку звали Наташей. Наталья Семёновна Рыжова, 27 лет от роду, учительница. Была. Преподавала в районной школе. Учила детей физике и математике. Захоронена Наташа 21 мая 199..г. на сельском кладбище, что близ Ерзовки Волгоградской области. Среди берёзок. Золотая медалистка, победительница областных олимпиад. Учителя прочили ей блестящее будущее. Не сложилось. Девушка, с отличием окончив Волгоградский пединститут и получив предложение работать на кафедре, вынуждена была вернуться домой, в захолустье. Тяжело заболела мама. Инсульт. Женщина потеряла возможность самостоятельно передвигаться. Требовался постоянный уход. Близких и родных не было, помочь — некому. Денег не хватало. Копеечная зарплата учительницы и пенсия матери целиком уходили на лекарство, памперсы и продукты. Наташа, болевшая врождённым пороком сердца, шесть лет ухаживала за мамой. Перестилать постель, переворачивать вдруг ставшее таким тяжёлым тело и массировать одеревеневшие руки и ноги больной женщины приходилось одной. Надорвалась. Сердце не выдержало. Лечиться было некогда, да и не на что. Когда подошла очередь на бесплатную операцию, было поздно. Хроническая болезнь, нужда и безысходность свели двадцатисемилетнюю женщину в могилу. Наташа скончалась на операционном столе.

Через два дня после смерти дочери, в районной больнице умерла её мама. Сердцем почувствовала беду. Соседи говорят: мычала, дочку звала, никак не могли успокоить. Чтобы не сойти с ума, девушка придумала сказку. Не так давно в школе, по правительственной программе, получили компьютеры, подключили интернет. Выбрав Ник «Неприкасаемая», девушка зарегистрировалась на одном из многочисленных серверов онлайн-дневников и по вечерам, погружаясь в сеть, забывалась. Это помогало ей жить.

Почему «Неприкасаемая»?

Некрасивая, бедная и хронически больная девушка имела на руках больную мать. Желających связать свою судьбу с Наташей не находилось. Парень, с которым она дружила в институте, в Ерзовку ехать не захотел.

Ну, вот, кажется, всё.

Ничего необычного. Рядом с нами происходят и не такие трагедии, но мы их не замечаем, а, подчас,

и не хотим замечать.

Люди, я не знаю, как мне с этим жить?!

Наверное, не всегда можно разминуться с лосем, неожиданно выскочившим на дорогу перед тобой. Похоже, что в этот раз он развернулся и готовится встретить меня рогами.

Утром, с зелёной папкой в руках, я поехал в больницу. Но было поздно. Сразу после полуночи, как раз в то время, когда я читал эту грустную историю, дядя Серёжа умер. Тело кремировали. После похорон я дотошно расспросил тётю Марусю, соседку Сергея Ивановича. Моя догадка подтвердилась: дядя Серёжа действительно в начале сентября 199.. года брал отпуск и уезжал. Как он узнал настоящее имя и адрес Наташи Рыжовой, для меня остаётся загадкой.

Когда его вели на эшафот

Когда его вели на эшафот,
Народ вокруг шептался оживленно:
«Еще один, поправший все законы,
Без головы окажется вот-вот!»

Он не смотрел на плаху и топор,
На горизонта выцветшие дали,
На горожан, что одержимо ждали,
Когда палач исполнит приговор...

Его спокойный и глубокий взгляд
Был поглощен одними небесами,
Чье золотое солнечное пламя,
Жалея света, источало яд.

В его глазах никто не видел слез,
Никто не слышал от него ни звука,
И не тряслись закованные руки,
Когда палач топор над ним занес.

Глухой удар прервал недолгий век,
И покатилась голова злодея...
Он, умирая, знал: его идея
Жива – погиб всего лишь человек.

20 лет

Двадцать лет разделили нас
На сегодняшних и вчерашних,
На оставшихся про запас
И упавших на ДЗОТы. Страшно...

Кто-то будет винить судьбу,
Кто-то - ждать перемен, а кто-то -
Двадцать лет у себя на лбу
Выцарапывать анекдоты.

Крик души - тишина в ответ.
Всё, что было - теперь пустое,
Есть лишь двадцать унылых лет -
Двадцать лет без Виктора Цоя.

Здравствуй, правда

Разьедаемый правды жаждой,
Без преамбул и без прелюдий,
У богов я спросил однажды:
«Почему умирают люди?»

«Потому, что живущих вечно
Не вместили б Земли чертоги,
Ведь чертоги Земли конечны -
Экономим.» - Сказали боги.

Вот и всё: вполне прозаично
И ни капельки не сакрально.
Здравствуй, правда. Ты так обычна...
Здравствуй, правда. Ты так банальна...

Сотворение мира

Убедившись, что небо иссохло до дна и похоже на ржавую флягу,
А земля в первоклассной асфальтной броне, постарев, истрепалась до дыр,
Я пойду в магазин – я куплю пластилин, акварель и цветную бумагу,
Принесу их домой, разложу на столе и построю Свой Собственный Мир.

Шестидневные сроки – забытый стандарт : мне, наверное, хватит и часа,
Чтобы вылепить сушу, разлить океан... А потом, без запутанных схем,
Я создам человека с кристальной душой, непорочной, как Tabula rasa,
Чтобы жил и любил, чтобы не потерял опустевший когда-то Эдем.

Закрой глаза

Закрой глаза, избавь меня от пытки,
Перед которой я не устою,
Ведь безнадежно-тщетны все попытки
Не замечать в них красоту твою.

Прошу тебя, не говори ни слова:
Твои слова – прозрачная вода,
И мне придется утонуть в ней снова,
Поверив слепо раз и навсегда.

Лиши меня своих прикосновений,
Что заставляют сердце трепетать,
Не то, смиренно преклонив колени,
Я буду счастлив стать рабом опять.

Оставь меня, оставь меня в покое,
Забудь навеки мой пустынный край,
Иначе ты рассеешь сон рукою,
И я узнаю, что такое рай.

Бетти Лорд.

«Свет зеленющих глаз»

Изобретая желанья

Он был молчалив. Суровое лицо, избитое временем и воспоминаниями, делали его еще более загадочным, чем он являлся. Седые волосы стали белыми, как снег, который он не любил. Зато усы по-прежнему были все теми же черными роскошными усами, глядя на которые все женщины мило улыбались своей особенной улыбкой. Он был женат только на одной женщине, которую любил до сих пор. Она умерла пять лет назад, но он чувствовал её в этом мире. Все его друзья остались где-то в тех счастливых годах... Сейчас у него не было друзей, только море было его другом. Он приходил к нему в надежде что-то вспомнить и простить себя за ту жизнь, которой он жил.

Бледными, дрожащими пальцами, взяв, в ладонь немного песка он стал рассматривать, как он просачивается сквозь пальцы... Влажный ветер сдул последние песчинки с его старой руки. Он подошел к самой воде, снял не очень дорогие, выдавшие не один год этот пляж, туфли и сел на песок, опустив ноги в воду. Ему было 86, но он был вполне в здравом уме.

Старик жил в нескольких километрах от моря. И все же каждый вечер он приходил смотреть на закат. Сегодня был его любимый день — 3 августа, день, когда он увидел её. Это было 60 лет назад и уже было немного трудно вспомнить, как это всё произошло. Перед глазами всплывал забытый образ, не очень четко вырисовывался в памяти женский силуэт. Он увидел ее легкое, почти воздушное, синее платье, чёрные волосы, слегка грустный взгляд зеленых глаз...

— У меня сегодня день рождения... Купите мне цветы, — произнесла Лиза, обратившись к молодому человеку с огромной сумкой наперевес, который шагал по аллее, где совсем рядом располагался магазин цветов.

Марк остановился, и по загорелому лицу пробежала едва заметная улыбка.

— Я не дарю девушкам цветы!

— Я ведь тоже не у всех прошу, — сказала девушка и строго взглянула на него...

— Меня зовут Марк, — произнес загорелый мужчина и его глаза заблестели. — А как твое имя

— спросил он и посмотрел на нее.

— А я Лиза, — произнесла девушка и немного смутилась...

Старик улыбнулся, глядя на море.

— Я помню, — произнес он дрожащими губами, — я помню.

Пролетающая рядом чайка взволновано крикнула. Старик, подняв голову, кивнул, и снова перевел взгляд куда-то вдаль...

Солнце садилось, старик смотрел на закат. Обняв руками колени, он что-то шептал... На глазах появились слезы, и улыбка, добрая старая улыбка, которая всегда была искренней и настоящей.

Поднимался ветер, но старик, казалось, не замечал ничего, и все смотрел на море. Ветер высушил его старческие слезы. Он пытался расстегнуть пуговицы на серой рубаше, то прижимая, то расправляя воротник. Поднялась волна, слегка намочив ему ноги, старик сделал попытку встать, но ничего не вышло...

— Ничего, — прошептал старик, оправдываясь, перед собой и слегка улыбнулся уголком губ. Всё-таки встав, он взял свои туфли в руки и тихой походкой старого человека поспешил к себе домой, оглядываясь на море в надежде увидеть то неизвестное, ради чего он приходит сюда каждый вечер. Но лишь далекие волны спешили к берегу.

Улица Светлая была самой обычной улочкой этого города, но только здесь всегда было спокойно и по-домашнему уютно. Одновременно зажигались фонари, приносили газеты и молодой молочник весело напевая, разносил молоко.

Когда он дошёл до своего дома, на небе появились первые звезды, и уже давно зажглись уличные фонари. Он присел на лавку у старого виноградника, просидев в молчании несколько минут, посмотрел на небо.

Всё те же звезды, подумал старик и, опустив глаза, взглянул на часы — без четверти десять. На край лавки запрыгнул большой рыжий кот, посмотрел на старика, и замурлыкал.

— Иди сюда, мой мальчик, — произнес старик ласково, пытаясь погладить кота...

Кот появился пять лет назад в день похорон... около дома сидел рыжий комочек и смотрел не моргая на задумчивого старика, возвращавшегося с кладбища.

Старик взглянул на него и тихо произнес:

— Как жизнь, приятель? — и присел рядом.

Немного шатаясь, котенок неуверенно запрыгнул на колено, едва не свалившись.

— Хороший, — прошептал старик и, взяв его в руки, понес в дом. Кот стал жить вместе со стариком и каждый вечер радоваться приходу своего хозяина. В глубине комнаты слишком громко тикали часы. Старик снова посмотрел на часы... прошло несколько минут.

Он поставил чайник, сел за стол, отрезал краюху хлеба и вновь погрузился в свои воспоминания. Кот, мурлыча, терся об его ногу.

— Я буду ждать тебя... я тебя обязательно дождусь! — кричала Лиза, уходящему поезду вслед.

— .. Дождусь... — очень тихо произнес Марк, чувствуя страх, что больше никогда сюда не вернется...

Шла вторая мировая война. Неподготовленные, выбившиеся из сил солдаты, веруя лишь в то, что они вернутся домой, сметали на пути все преграды. И вот, почти через четыре года войны, они стали на сторону тех, против кого воевали. Многие из солдат начали сходить с ума, многие стали дезертирами, не понимая всей глупой политики этого слабого и бесславного человека стоящего у власти. Но всем хотелось вернуться домой и только выстрелы по живым мишеням, «приближали» расстояние к дому...

— Не стреляйте, пожалуйста, не стреляйте! — кричала девушка, глядя на молодого измазанного грязью солдата, который направил на нее свою «Берету».

— Где все мужчины? — прокричал солдат.

— Я ничего не знаю!

Раздался выстрел... Девушка, падая, цеплялась руками воздух. На её лице застыл вопрос: за что? Марк подбежал к солдату, сделавшему выстрел, и наотмашь ударил его рукой. Затем подошёл к мертвой девушке и присел рядом. Обхватив свою голову руками, он обратил свой взгляд в небо, откуда срывался мелкий дождь. Где-то вдалеке слышались выстрелы...

Свист закипающего чайника заставил старика вздрогнуть. Он встал и взял свою любимую фарфоровую чашку — подарок жены.

Комната наполнилась ароматом мяты. Старик достал старый альбом и открыл первую страницу, ему на колени упал старый кленовый лист.

Ветер развеивал волосы Лизы. Она бежала по лесной поляне, а за ней, радостно крича, спешил Марк. На деревьях появились следы, вступающей в свои владения, осени.

— А вот и не догонишь! — смеясь, прокричала Лиза.

Марк упал на траву и замер.

— Марк, ну хватит! Я тебе не верю, опять дурачишься!

Но Марк оставался на траве и не шевелился.

— Марк... — испуганно, почти шепотом произнесла Лиза.

— Марк! — уже громче кричала девушка, спеша к нему. Присев рядом с ним, она положила голову ему на грудь, пытаясь услышать стук сердца.

— Вот ты и попалась! — восторженно сказал Марк, обнимая девушку.

Лиза заплакала.

— Ты меня напугал...

— Прости!

Марк поправил её волосы, нежно коснулся щеки, и пристально посмотрел ей в глаза.

— Я ... тебя... люблю... — прошептал он. И Лиза почувствовала, как у Марка дрожат пальцы...

— До дрожи в пальцах? — сквозь слезы тихо спросила Лиза.

— До дрожи в пальцах! — ответил Марк.

Старик сделал глоток остывшего чая, вынул из альбома фотографию молодой девушки и прочел на обороте: «...оставайся живым, ты мне очень нужен». Немая боль пронзила сердце и пальцы задрожали. На пол упала чашка.

Старое сердце даёт о себе знать, подумал старик, и нахмурил брови. Достал из кармана брюк таблетки и положил сразу несколько под язык. Сделал маленький вдох и откинулся на спинку стула. Боль отступила. Старик вытер лоб от холодного пота и, нагнувшись, собрал осколки, чувствуя, как немного кружится голова. Он встал и распахнул окно... на улице начинался дождь, где-то вдалеке сверкнула молния... Он взял стул и сел у окна, положив локти на подоконник, ветер обдал его ночной прохладой.

— Вы мне очень нравитесь, — кокетливо прошептала грудастая женщина, обнимая руками толстую папку.

— Послушай. София, я не давал тебе никаких поводов и намеков, — произнес Марк. — Я не хочу это обсуждать.

— Я всегда добиваюсь чего хочу, и мне наплевать, что ты женат! И ребёнок твой не помеха! — выпалила София.

— В таком случае будем считать, что наши совместные дела на этом будут закончены! — прокричал Марк, заметив, что кто-то наблюдает в приоткрытую дверь кабинета.

— Тогда я найду, что сказать твоей милой женушке... Скажу, что жду от тебя ребенка! — засмеялась София.

Марк не выдержал и ударил её ладонью по лицу...

— Не смей даже думать! Слышишь? Ты не стоишь и мизинца моей Лизы! Я не позволю превращать нашу жизнь в комедию какой-то стерве! Пошла вон отсюда! — и он вытолкнул её за дверь. В приёмной стояла Лиза и смотрела на Марка огромными глазами... София, отвернувшись, направилась к выходу.

Лиза и Марк смотрели друг на друга — это могло продолжаться вечно.

— Я принесла тебе обед, — тихо произнесла Лиза.

— А я проголодался, — Марк обнял жену.

Сердце бешено колотилось. Лиза взяла ладонь Марка и коснулась ее губами.

Где-то за спиной старик услышал скрипучий звон телефона. Вставать совсем не хотелось, но, пересилив себя, он взял трубку.

— Отец.... алло... мы завтра приедем... отец, ты слышишь?

— Сынок... — шептал старик, — сын, алло... жду вас сынок... алло...

Но гудки оборвали разговор. Старик вздохнул и все же мысль о том, что приедет сын его, успокоила и согрела.

Он подошёл к комоду и достал старую пластинку, включил проигрыватель... тихое шипение и звук старой забытой мелодии проник во все уголки его дома. Старик улыбнулся...

— Ты же знаешь!

— Ну, все равно скажи... — требовала Лиза.

— Да, он напоминает меня в молодости, но только без усов!

— Я хочу, чтобы они были счастливы...

У моря стоял молодой человек в белом костюме, смотря влюбленным взглядом на девушку в свадебном платье...

Закончилась пластинка. Старик лёг на диван и положил под голову маленькую подушку, которую так любила жена. Взял библию и открыл новый завет. Кот запрыгнул на его грудь, потерся носом о щеку своего хозяина.

— Ну, хватит, — намеренно изображая серьёзность, произнес старик. Кот, казалось, все понял, и, мурлыча, поджав под себя лапы, так и остался на груди своего хозяина. Старик поправил очки и продолжил чтение.

Марк и Лиза долго ждали своих внуков.

— Смотри, это наша внучка! — произнесла Лиза, едва сдерживая слезы.

Марк посмотрел на молодую жену сына и расплакался.

— Мы назовем ее Кристина, — сказал сын.

— Спасибо вам! — шептали Марк и Лиза, обнимая своих детей.

Старик и кот уснули.

— Марк! — где-то за спиной он услышал родной голос.

Лиза... — шептал он, оборачиваясь и пытаясь её отыскать среди тьмы, что его окружала. Где-то впереди он увидел едва заметный свет, который становился все ярче.

— Марк, я ждала тебя...

— Лиза, где ты? Не оставляй меня, Лиза...

— Я пришла за тобой, Марк...

— Забери меня, Лиза... мне очень тяжело без тебя...

Она взяла его за руку. На ней было синее платье, а в руках она сжимала цветы, которые когда-то подарил ей Марк...

— Я тебя люблю!

— До дрожи в пальцах?..

— До дрожи в пальцах!

Часы пробили полночь, кот отошел от старика и выпрыгнул в окно. Ветер играл занавесками...

Старая рука обронила книгу

Ляля Князева

Все пройдет

Все пройдет:
Все однажды проходит.
Ничего ворошить не надо.
Ведь разбитые вещи, кажется,
больше не подлежат возврату;
А обмен не уместен, по сути,
Не бывает двух схожих предметов,
Как и двух идентичных судеб.
А обмен не уместен по сути:
Не бывает двух схожих предметов,
Как и двух идентичных судеб.
Ты с приветом от старых знакомых,
Я травлю тараканов...

в квартире.

Мы с тобой идеальная пара
(если б нас не делили на два,
Или лучше б вообще не делили.)...

Я одна, ты - с другой, а все же,
Почему так знобит, до дрожи?
Брось ключи на комод, не глядя
На совместное наше фото.
(Знаешь, жить для других в угоду -
Вроде как бы даже забота)
Забери свои вещи сегодня:
А то вдруг не получится завтра,
Но оставь хоть одну рубашку -

Не могу засыпать, не почувствовав,
Твой, настолько родной мне, запах.
Не стирай с диктофона свой голос,
Не сжигай негативы и снимки,
Я хочу прокрутить время в памяти,
Чтобы просто потом ненавидеть -
Это легче камня обиды,
Это проще надежды "увидеть".

Только снова дрожат колени,
снова нервно трясутся руки -
Не могу закурить, а надо -
Мне все так же хватает взгляда,
Чтобы снова растаять, заплакав.

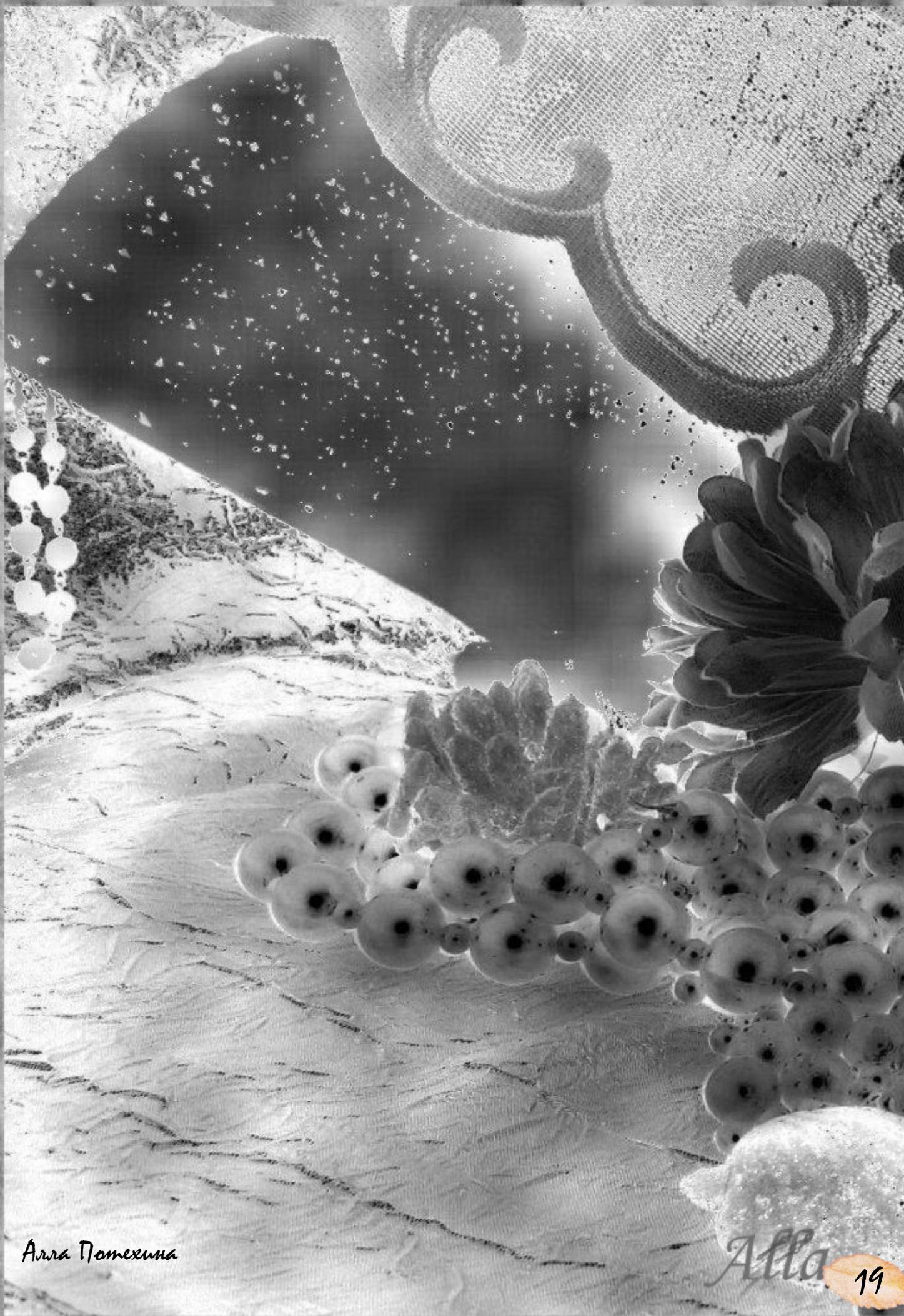
"Мальчик, милый, постой, послушай! -
Я шепчу это, чуть живая. -
Я же вижу, как тебе больно,
Ты же знаешь - я не стальная!

Роман Девятин

Уста младенца

- Что такое дом?
- Это окно и бетон.
- Что такое окно?
- Это то, что держит стекло.
- Что такое стекло?
- По сути, это песок.
- Что такое песок?
- Им будет и был бетон.
- Папа, я знаю, чем кончится:
Все – лишь большая песочница!

Алла Понехина

Алла 19

— Шейте, — хирург тяжело отошел от стола.

Ассистент и операционная сестра склонились над больным. В лотке рядом лежал рваный кусок желудка. Возле него — использованные окровавленные инструменты.

В предбанник просочилась полоска света, пахнувшая эфиром для наркоза. Хирург пошел в свою каморку, покачиваясь на отекавших ногах. Восемь часов операции — теперь уже буднично и нормально, не так как двадцать лет назад. Он знал, что три-четыре часа его никто не потревожит, что можно и коньячку до утреннего обхода и...

Он вошел к себе и через полторы минуты мертвецки спал.

— Глеб Петрович! Глеб Петрович! — сестра расталкивала дрожащими руками хирурга. По веснушчатому лицу катились слезы, заползая под воротничок халата.

— Пппинцета нету...

Хирург перевернулся на другой бок. Сложив руки за голову, медленно посмотрел на потолок. Скосив глаза, подал рыдающей кусок марли. Выждав, пока рыдания сойдут на нет, тихо произнес:

Пусть больной отойдет от наркоза. Пойдет моча. Станет стабилен. Тогда и пинцет вытащу. Иди, Лиза.

Это был далеко не первый пинцет. А были еще иглодержатель, шпатель, зажим... Уволить? Но куда ж она пойдет с трехлетним сынишкой? Одна. Мать умерла, отец — в тюрьме... А после Лиза опять «отблагодарит» Глеба Петровича. И снова они вместе за операционным столом.

Жизель

Марья Даниловна досмотрела балет и, тяжело скрипнув диваном, пошла на кухню. Придя, она встала у окна и надсадно вздохнула.

— Ты чего? — муж уплетал еще дышащие жаром пирожки с вишней.

— Да так, что-то не хочется есть, — она опустилась рядом и тоскливо подперла щеку рукой. — Какая же она тоненькая, какая же воздушная, эта Жизель. И скачет как козочка... Легонько так, будто летит. А тут... — Марья Даниловна ненавистническим взглядом смерила свой живот, топорщившийся из-под фартука надутым мячиком.

Семен Иванович неторопливо доедал пирожок, прихлебывая душистым, мятным чаем и улыбался.

— Сень, я ведь не всегда ж такую коровой была, помнишь? Ты меня еще на танцах на руках кружил, и в загс по ступенькам нес, а ступенек многовато было. Помнишь? — продолжала сокрушаться Марья Даниловна, заглядывая мужу в глаза.

Семен Иванович допил чай и сел рядом, обхватив жену за пухлый теплый бок.

— Машенька, родная моя... послушай. Жизель эта напляшется, прибежит домой в общагу, а ей, бедной, даже жареной картошки нельзя, потому что завтра она встанет на весы и строгая училка не допустит ее на репетицию. А еще, я слышал от соседки, что водит свою внучку на балет, что рожать-то им нельзя. После родов якобы кости расходятся, и она уже плохой балериной считается... А ты мне троих девочек, умница, родила... И что она видит в жизни, эта Жизель?

— Цветы она видит, море цветов! Я сама видела сейчас по телеку, как ей ташили такой букетище, как президенту, а я цветы только в женский день... — всхлиывая, уткнулась в мужнино плечо Марья Даниловна.

Семен Иванович теснее прижал жену, и они еще долго так сидели, покачиваясь в такт ходикам на стене. Вечернее солнце бросало последние приветы желтым домашним окнам, и город замирал, сладко зевая перед сном.

Ночью Марье Даниловне снилось, как она в балетной юбочке бежит, задыхаясь, по сцене, а злая

учительница в огромных очках бьет ее по ногам лошадиным хлыстом, отправляя на весы.

А утром приветливое солнце озарило благодатным лучом свадебную фотографию на стене, три портрета девичьих мордашек, спящую Марью Даниловну и — на подушке букетик свежих фиалок с запиской: «Моей Жизели».

Олег Карелин
Лешачок

Оседлав седого вепря,
Мохнолап, как паучок,
Сквозь лога, овраги, дебри
Ездит рыжий лешачок:
То вдруг свистнет, как синица;
То, как ворон, закричит;
То замолкнет, затаится...
То медведем зарычит!
По стволу упавшей липы
Ловкой белкой пробежит!
Чу! Замрёт, услышав скрипы...
Встанет - шепчет, ворожит...
То тихонько прокрадётся
В рюкзачишко леснику;
То в гнездо к птенцам забьётся;
То хромоту старику
Кузовок нести поможет,
Тенью рядом семеня;
И лохматые одёжи
Сушит, щурясь, у огня
В час, как шумные туристы
Близ реки играют в мяч.
Спит в бору на мху душистом.
Ростом с кошку, бородач.

Евгения Усынина
Остров

Я хотела бы жить на маленьком острове,
Где бесшумно крадется по небу медведица;
Где скрываются сны, затерявшись в густой траве;
Там, где нам суждено когда-нибудь встретиться.

Я ждала бы тебя на маленькой пристани,
Зажигая маяк в тишине ожидания,
И струился бы свет из туманной ночной стены,
Сокращая во тьме расстояния.

Но опять молчалив пустеющий горизонт,
И пылающий вечер над окнами стелется,
Не сегодня, так в следующий раз больше повезет,
Мы с тобою еще обязательно встретимся.

Люди часто не ценят того, что видят вокруг себя ежедневно. Так жаль... В гонке со временем, в борьбе за собственные амбиции, мы не замечаем самых простых вещей. Обычный ужин в семейном кругу часто теряет всякий смысл и превращается в простую формальность, которой к тому же следуют все реже. А отсутствие такой простой вещи очень оскудняет эмоциональный мир человека. Близость к людям, которые тебе дороги, хотя бы раз в сутки, дает невероятный заряд энергии и эмоций. Беседа за столом, даже самая непринужденная, дарит душевное спокойствие. Лампа над столом — своеобразное семейное солнце, под лучами которого свершается тайна единства семьи. В потоке повседневной жизни мы теряем возможность этого простого «ритуала». Сам прием пищи превращается в быстрое поглощения питательных веществ, и то — только по необходимости.

Мы спешим вперед. Хотим сделать что-то для семьи, для благополучия, но тем самым все чаще теряем связь с теми, для кого так стараемся. Отсутствие непринужденного общения разрушает тонкие душевные связи, и семья, некогда единая и целостная, превращается в подобие рабочего коллектива. Разговоры только на необходимые темы, потеря возможности чувствовать человека на эмоциональном уровне приводит к растущей со временем отчужденности. Но темп жизни все ускоряется и ускоряется, и вот уже нет возможности остановиться. Кутерьма дел несет нас неудержимым горным потоком по камням проблем, отчего мы становимся только суровее.

И вот уже все связи окончательно разорваны, и восстанавливать их уже нет ни малейшего желания. Жизнь бок о бок с теми, к кому привык, чьи повадки и особенности характера знаешь досконально, но уже не можешь объяснить, довольно удобна. И мы живем. Не замечая, не чувствуя, не ощущая. Все замечательно идет своим чередом. Только иногда, очень и очень редко, в моменты больших личных эмоциональных потрясений, на лоне смерти, или просто когда встречаешься с семьей, где связь существует, приходит ощущения неопишуемой утраты. Горечь наполняет сердце, и червячок отчаянья грызет душу. Где мы потеряли единство? Когда пропала связь? И можно ли ее восстановить? Осознание истиной проблемы незаметно подкрадшейся и уже давно живущей в вашем доме, отягощает ваше существование. Вы пытаетесь наладить контакты: расспросить кого-то или сами пытаетесь рассказать, но все привыкли только к необходимому разговором и вас просто не понимают. Все стали абсолютно самостоятельными и независимыми, и вот уже никому попросту нет дела до пустых разговоров. Связь окончательно потеряна, семья существует только на взаимном уважении, долге и обязательствах.

Но главная проблема даже не в этом. Все чаще и чаще никто из членов ячейки общества, гордо именуемой семьей, даже не задумывается об этом. Создаются семьи без внутренней связи, без единства. Сначала семья, потом и народ в целом теряют общность, единение. Отстраняясь все дальше, мы ставим множество оград вокруг себя и в конечном итоге приходим к одиночеству. Невероятно, как простая часть нашей жизни, выпавшая из повседневности, может быть важна и необходима для нас, каждого в отдельности, и всех вместе взятых одновременно. Пустяк, попросту мелочь повседневности, может подарить нам счастье и душевное спокойствие или отобрать их у нас.

Вспомните, когда вы последний раз ужинали в кругу семьи просто так без повода для застолья? А когда говорили с кем-то из домочадцев просто так, ни о чем? Задумайтесь, пока

еще не поздно. Быть может, вам удастся сохранить такую тонкую нить взаимопонимания в семье. Начните просто с ужина. Абсолютно обыкновенного — на кухне, за общим столом, под светом абажура. И поговорите о чем угодно, кроме работы или учебы. Разве мало тем? Они складываются сугубо лично, в зависимости от круга интересов, и они так важны для вас. Подумайте и просто поговорите.

Публичность

Проту стихи

Блеснет слеза от сильного волненья,
От сердца к пальцам проберётся дрожь —
И я взметнусь волной стихотворенья,
Чтоб затушить в неверных чувствах ложь.

Ложь зашипит, неправда испарится,
В глазах любимых истина блеснёт —
И я Творцу за то, что дал влюбиться,
Всего лишь подмигну, - и он поймёт...

Марина Киевская

Оставшийся

Мой день. В годах прошедших, словно в западне.
За будущее с прошлым -
расквитавшийся.
И не впервой косить по скошенному мне.
Найдётся стебель, знаю я -
оставшийся.

И голос свыше: "Всем невзгодам вопреки
Слиянье двух сердец в одно. Вы - помните!"
А я... Я - чувствую тепло твоей руки
На выцветших
сырых
обоях
комнаты.

Северный ветер

Эх, серебряный северный ветер!
Снежный вихрь пред собою гоня,
Ты примчался в морозной карете
и присыпал всё золото дня.

И холодные выюжные струи
собрались на опушке лесной,
под игру колокольчиков сбруи
исполняют свой марш ледяной.

Разыгралась полярная тройка
под попоной седых облаков,
и гарцуют метелицы бойко
с ледяным перестуком подков.

Только нет больше прежней дороги:
юг, что север - в глубоком снегу!
И карета рассыпалась в дроги,
и собрать я её не могу...

Можно?

Ощущение скользкости рук после
жидкого мыла.
Сколько времени кряду прошло, -
Тебя не смыла.

Глубоко въелась краска, что мастер
набил мне на кожу.
Оставляю тебя насовсем.
Мне это можно?

Евгений Петропавловский

Прошлое, уходящее в сказку

Было так: маленький сверчок играл на скрипке, и дом наполнился её волшебными звуками... Старый домовый прозрачно сидел в углу и, подперев ладонью щёку, мечтательно глядел сквозь стену в ему одному понятную даль. Мимо струилось незаметное время; а под потолком плыли пронзительные облака...

Но недавно дом снесли.

А в новой квартире тихо. Лишь изредка из прохудившегося крана капает вода. И по ночам ревёт, надсаживаясь, какое-то существо в трубах, не зная, как оттуда выбраться... Так всегда в жизни: если в одном месте прибавляется, то в другом убывает, обретения не обходятся без потерь, и только одно неизменно — грусть по прошедшему, которое рано или поздно обязательно превращается в сказку...

Парус над волнами

Большой, похожий на гордую птицу корабль плывёт сквозь шторм. Он отчаянно борется со стихией, то вздымаясь на гребнях волн, то соскальзывая вниз и едва не погружаясь в губительную пучину.

Когда корабль достигнет берега, всё изменится. Станет ясно, что его океан - это всего лишь наполненная водой ванна; а бурю делает мальчишка, с беззаботной улыбкой взбалтывая воду рукой. Но сейчас команда этого не знает. И парусник из последних сил плывёт сквозь шторм. Потому что настоящее и ненастоящее — это две стороны одной медали; одно переходит в другое; а наше понимание истины зависит от того, какой стороной она поворачивается в тот момент, когда мы находимся на гребне волны...

В процессе работы над газетой нам приходится читать очень много текстов. Иногда это интересно, иногда нет. А иногда — и смешно и грустно одновременно, из-за тех ошибок, которые допускают молодые авторы при написании произведения. Происходит это из-за незнания или невнимательности, или, что самое грустное, от лени, нежелания обрабатывать свои тексты. В последнем случае, к сожалению, никто и ничто не поможет, кроме самого автора. Во втором можно посоветовать быть внимательнее, в первом же нужно объяснить, в чем ошибка, рассказать, как было бы правильнее.

Именно поэтому было принято решение начать еще один цикл статей: об ошибках, чаще всего совершаемых авторами. Первую статью этого цикла я решила посвятить деепричастиям. Вроде и тема не сложная, а ошибок очень много.

Сразу хочу оговориться: в качестве примеров я, кроме всего прочего, буду использовать цитаты из реальных текстов, которые мне приходилось читать. Естественно, авторов указывать не буду, дабы не переходить на личности. Долгое время сомневалась: а честно ли это будет по отношению к авторам? Но с примерами все же нагляднее, а к тем, кто узнает в примерах цитаты из своих текстов, у меня одна просьба: прежде чем обижаться и предъявлять претензии, задумайтесь над тем, что вы написали.

Итак, начнем: Деепричастие — неизменяема форма глагола, которая поясняет глагол (сказуемое) и обозначает добавочное действие.

Деепричастие может быть совершенного и несовершенного вида: работая (не сов.) — поработав (сов.). Деепричастие требует той же падежной формы, что и другие глаголы: читая (что?) книгу.

В предложении деепричастие является второстепенным членом предложения, а именно обстоятельством.

Важно понимать, что глаголы и деепричастия не могут быть однородными членами предложения.

К сожалению, я встречала тексты, в которых это не было учтено. Например вот такое предложение: «Ты больше не употребляешь наркотики, не занимаешься сексом на право и на лево, не гоняешь голубей, переезжая от площади к площади...»

Я долго пыталась понять, общий смысл предложения: как между собой соотносятся такие действия, как разгон голубей и переезд от одной площади к другой.. А в процессе общения с автором фразы выяснилось, что здесь имелось ввиду не добавочное, а самостоятельное действие, и это должны были быть однородные члены предложения. То есть выглядеть это должно было так: «... не гоняешь голубей, не переезжаешь от площади к площади...».

Теперь об образовании деепричастий.

Начнем с деепричастий несовершенного вида.

Они обычно образуются от основы глагола несовершенного вида настоящего времени при помощи суффиксов -а, -я: слышат – слыша, думают – думая.

От некоторых глаголов не образуются деепричастия несовершенного вида. Всего существует три группы таких глаголов:

1. глаголы с основой, состоящей из одних согласных: Шь(ют), рв(ут).
2. глаголы с основой на г, к: Бег(ут), тек(ут).
3. глаголы с основой настоящего времени на шипящий и с основой неопр. формы на з, с, ст, х: Маж(ут), реж(ут).

Если же этим правилом пренебречь, то получаются весьма забавные слова. Вот например: «мое орудие входит в податливую плоть, рвя сухожилия».

Согласитесь, слово «рвя» режет слух, гораздо красочнее и вернее было бы слово «разрывая».

Деепричастия совершенного вида образуются от глаголов совершенного вида и обозначает законченное добавочное действие. Они образуются от основы прошедшего времени по двум схемам:

- при помощи суффикса –в образуются деепричастия от основ на гласную: прочита(л) – прочитав.

- при помощи суффикса –ши образуются деепричастия от основ на согласную: принес – принесши.

Употребляя деепричастия в тексте, очень важно осознавать, какое именно действие оно будет пояснять. Например: «Погасим мы задуя свечи»

В этом предложении автор совершил сразу две ошибки. Во-первых, предложение составлено неверно и, по сути, является тавтологией: погасить и задуть свечу — это одно и то же действие и разделять его на два не имело смысла; во-вторых, автор не верно образовывал деепричастие. Выше я уже писала, что деепричастия совершенного вида (отвечающие на вопрос «что сделал?») образуются при помощи суффиксов –в и –ши. Верным деепричастием в данном случае будет «задув». О том, что деепричастия и деепричастные обороты всегда выделяются запятыми, я уж и вовсе молчу.

Из-за неточного понимания сути деепричастия и его места в тексте совершается и много других ошибок.

Следует помнить, что деепричастие может относиться только к действующему подлежащему. В качестве примера разберем такое предложение:

«Лаская теплою рукой

Твой нежный стан

О боже мой Ты мне сказала...»

Здесь подлежащие выражено местоимением «ты», сказуемое — глаголом «сказала». обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом «Лаская теплою рукой твой нежный стан», должно относиться к действующему лицу. Исходя из этого предложения, нам понятно, что девушка что-то сказала своему молодому человеку, лаская саму себя, хотя автор имел ввиду совершенно другое.

Еще один пример: «Однако, чуть постояв, вновь прозвучали эти необычные, сильные звуки». Подлежащее — «звуки», сказуемое — «прозвучали», обстоятельство — «чуть постояв». И опять получается, что стоял-то совсем не тот, кого имел ввиду автор.

А вот и вовсе фееричная картинка: «Сидя в кафе окружающий тебя мир воспринимается чуть по-иному». Каково — окружающий мир сидит себе в кафе, никого не трогает, а мы его воспринимаем. По-другому.

Этой ошибке я уделила максимум внимания потому, что она является самой распространенной. Очень многие авторы упускают из виду такую «мелочь», как субъект действия.

И еще один момент, который непременно хочется отметить: неверное использование деепричастий может привести к нелепым логическим ошибкам. Например: «Видя, что ему плохо, я ничего не могла сделать». Не то, что бы данное предложение было в корне не верно, но оно создает неверное впечатление: когда я видел, что ему плохо, я ничего не мог сделать. А когда не видел — мог? При таком построении предложения деепричастие «видя» является обстоятельством времени: я не мог ничего сделать когда? Когда видел, что ему плохо.

Напоследок хочу сказать всем авторам, которые узнали цитаты из своих текстов или обнаружили у себя подобное: не огорчайтесь, ошибаться — это нормально. Главное вовремя ошибки увидеть и исправить.

К сожалению, сейчас подобные ошибки допускают не только неопытные авторы, но и люди, которые по долгу службы профессионально занимаются написанием различных текстов: эстрадных песен, текстов для рекламных роликов и тому подобное.

Приведу пример, которыми так же можно было проиллюстрировать одну из описанных выше ошибок. У группы «Чай вдвоем» есть песня «Белое платье». Ее сейчас очень

часто можно услышать и с экрана телевизора и по радио. Вслушайтесь в текст. В начале второго куплета там есть такие строчки:

«Пролистав журналов глянец,
В сердце бьется первый танец».

Подробнее о деепричастиях и ошибках, связанных с ними можно узнать из следующих статьях:

<http://stcreserv.narod.ru/Tutorial/prichastie.html>

<http://www.stihi-rus.ru/pravila.htm#0052>

http://www.licey.net/russian/culture/3_6

Казнить нельзя помиловать или как мы живем

Clemens Karunola «Buna»

В припадках осени

С утра почуял: что-то происходит.
Опали волосы, пока чесал расчёской.
Везде опали, как помылся, оказалось.
С испугу суп на завтрак съел руками.
А небо серое и косится недобро.
И люд прохожий что-то замышляет.
Они масоны все, я точно знаю!
Путь на работу устлан крошками от хлеба.
Какой-то хмурый хмырь меня буравит
Своим тяжёлым взглядом-зубочисткой.
И ощущение в воздухе витает.
Подкралась Осень липкою ириской.
Такая сладкая - мол, облизни, попробуй;
А, как надкусишь - сразу в зуб забилась.
В пруду с утра собачка утопилась.
Ольха колотит веткою по гробу.

Свечник

На самом краю кисти,
Внутри этой капли краски
Чья-то душа сокрылась.

Меж строк непонятой книги,
За ширмой из образов вязких
Что-то случилось.
Средь брани детей несчастных,
Отражаясь от наших мыслей,
Звенит бубенчик.

Между тысяч загубленных жизней,
Прожигая слои картона,
Родился Свечник.

Мимо страха мужей пропащих,
Ступая босыми ногами смело,
И мимо женщин.

Не взирая на муки тела,
Несёт в ладошках своих
Огонь свой вещей.

Наталия Дурева

Скоро осень...царствие покоя

Треснули бокалы облаков,
и летят осколки-бриллианты,
перламутры бесконечных снов,
когда вмиг взрываются куранты.

Розы опадают лепестки,
словно бархат, ветреностью сказки,

и мечты невинной мотыльки
прилетают на костер из ласки.

Август поклонился сентябрю,
город мокрый и устал от зноя,
но хранится нежное "люблю"...
Скоро осень... царствие покоя...

Николай Каверин Залив терпения (отрывок)

Что может быть красивее набегающей волны, когда она, сверкая пеной на изломе, скатывается к своей подошве, оставляя бело-пузырчатый след. Только вторая волна, усиленная океанской зыбью, более мощная и покатая, подминающая под себя на изломе все плывущее, стараясь опрокинуть и утащить в море.

Тяжелая океанская зыбь, пройдя сквозь все Охотское море, разбиваясь о мыс Терпения, приходит к берегу ласково-уставшей и покорно шуршит бело-желтым песком, оставляя мокрый след своего присутствия.

Малые глубины делают залив необыкновенно красивым. До самого горизонта белые буруны и барашки умирающих и вновь рождающихся волн создают впечатление бесконечного прибоя, у которого нет ни начала, ни конца. Постоянный гул дышащего моря создает иллюзию живого организма, желающего рассказать нам одну из историй, увиденных и услышанных в своих водах. Залив был необычайно красив в утренних лучах летнего солнца. Сказочную красоту дополняла фигурка девушки, бесшабашно резвящейся в набегающей волне. Протянув руки к солнцу, она бежала вслед за уходящей волной, хохоча и дурачась. Вдруг, капризно присев на корточки, резко поворачивала обратно к берегу, стараясь уйти от набегающей волны. Это ей не удавалось, и она радостно и звонко смеялась.

Шедший по берегу Сергей, невольно любовался и девушкой, и заливом, и набегающей волной. Он шел и думал, как оно все будет. Его никто не встретил, значит, никто и не ждал. Прошло всего-то ничего, недели три-четыре, как он расстался с очень молодой специалисткой из центральной Европы, путь которой лежал в г. Поронайск, по месту отработки.

Первая морская практика принесла и первое серьезное увлечение.

И вот теперь у него были почти сутки, чтобы расставить все точки над «и». Дом, указанный в райисполкоме, как дом для приезжих молодых специалистов, нашелся легко. Поронайск обилием улиц не страдал, а народ был общительный и всезнающий.

— Специалисты живут. Только не одна, две. Домик на сопке видишь? Тебе туда, — объяснила бабуля с бидоном для молока, очевидно спешившая в магазин. — Только их нет, на работе. Ты к геологам иди. Они все про них знают. Пройдешь еще немного и по тропинке вниз, к морю. Там увидишь.

Спускаясь вниз по крутой, скалистой тропинке, Сергей действительно увидел палатки геологов. У нехитрой печи, сложенной на скорую руку из кирпичей и лопнувшей плиты, кашеварил мужчина крепкого телосложения. На плите в двух закопченных чугунах что-то варилось. Правой рукой он мешал половником в большом чугуне, а левой досыпал мелкую лапшу в маленький, причем делая все это одновременно.

— Здравствуйте, — поздоровался Сергей.

— Привет, если не шутишь, — ответил мужчина, не отрываясь от своих чугунков.

— Я ищу Валентину Афанасьеву, метеоролога. Говорят, Вы знаете, где она.

— Знать то я знаю, только тебе зачем?

— Я ее товарищ, с материка, повидать заехал.

Повидать, говоришь, заехал, — геолог оторвался от своих дел, — а на чем заехал, транспорта не вижу.

— На поезде. В девять утра прибыл, в час ночи обратно в Южно-Сахалинск, оттуда в Корсаков на судно. Меня Сергеем зовут.

— Николай, — протянул руку мужчина. После рукопожатия предложил присесть.

— Приехал, гостем будешь. Она сегодня с нашими в тайге, замеры снимают. Думаю, к ужину

управятся. Можешь у нас пока располагаться. В столовой посиди, или со мной побудь. Сам решай. К морю сходи. Откуда будешь?

— Из Владивостока. В мореходке учусь.

— Морячок значит. Дров нарубишь? За палаткой «калбаны» и топор, разомнешься с дороги. Почему не в форме? Одежку сбрось, никто не возьмет.

— Форма в училище надоела, — ответил Сергей, — в гражданке лучше, зачем «светиться». Я только первый курс закончил. Вот после практики заехал.

— На «Крильоне» стажироваться?

— Как догадались?

— Из Владивостока на Сахалин только он и ходит, — ухмыльнулся геолог.

Когда Сергей перестал махать топором, солнце перевалило за полдень.

Это занятие ему понравилось. Поставил «колбан» — хрясь колуном и разлетелось полено. Он где-то слышал, что так боксеры удар отрабатывают, главное мыслей никаких нет, хрясь... и все.

— Пойдем обедать, работничек, — позвал Николай, заглянув за палатку. Гора дров его приятно порадовала. — О, нормально, наш парень. Обед честно заработал. Давай в море, сполоснись и к столу.

Бросив топор, Сергей легким бегом побежал к морю, зовущему приветливым прибоем и криком чаек. Окунуться с разбега не удалось, не позволяла глубина. Он все шел и шел, удаляясь от берега, а глубина по-прежнему была по пояс. Накат шел серьезный, океанский. Волна дыбилась, с шумом ломаясь на гребне, отрывая его от дна, не давая возможности плыть. Она перекачивалась через него, шипя и обдавая брызгами, толкая к берегу. Не зная броду, не суйся в воду. С морем не шутят. Глубины он не знал, поэтому «обласканный» волнами, повернул назад.

Когда он подошел к палатке под названием «Столовая», за сбитым из досок столом сидело человек шесть.

Николай поставил большой чугунок на середину стола.

— Одеваться не надо, так садись. Толпа, это наш человек, Сергей, — обратился он к сидевшим геологам. Лишних вопросов никто задавать не стал.

Поев, все потянулись к печке, на перекур.

— Иди сюда, студент, — позвал Сергея один из геологов — угощай куревом, что там на материке курят?

— Не курю, — отозвался Сергей — я курсант, а не студент.

— Курсант, студент, какая разница, все равно махру курить придется. К нам по какой нужде приехал?

— Не к нам он, успокойся, — вступил в разговор Николай, чувствовалось, что во всех спорах, его слово было последним. — Валентину ждет, она на дальней точке показания снимает. Так что до вечера он наш гость.

Николай взял гитару и начал наигрывать незнакомый мотив, чувствовалось музыкальное образование, в подъездах таким мелодиям не учат. Мелодия была грустная. Песня — не песня, танго — не танго. Закончив играть, Николай неожиданно протянул гитару Сергею.

— Давай, сыграй, что там у вас поют сейчас.

— Я свои «университеты» во дворах проходил, — ответил Сергей, — так академически не могу, три, четыре аккорда и все дела...

— Играй, как можешь.

Сергей взял несколько аккордов, разминаясь, и запел:

Вдвоем с Серегой, мы шагаем по Петровке

По самой бровке, по самой бровке.

Жуем мороженое мы без остановки,

В тайге мороженое нам не подают....

Геологи притихли, слушая песню, разглядывая Сергея. Приятный баритон, свободная, незаигранная манера исполнения подкупали. Песня им явно нравилась и Сергей, не останавливаясь, спел еще одну:

Покрепче парень вяжи узлы,
Беда идет по пятам.
Волна и ветер сегодня злы,
И зол, как черт, капитан.

И нет отсюда пути назад,
Где стынет след за кормой.
Сам черт не сможет тебе сказать,
Когда придем мы домой...

— Если из мореходки выгонят, давай к
нам, — весело сказал кто-то, — нам такие нужны. Голос приятный, поешь с душой. У нас тоже романтики за глаза. Тайга, горы. Николай, давай заберем паренька.

— Ты что, не видишь, у него вся задница в ракушках, к морю прикипел, — сказал рядом сидевший геолог. — Там загранка, казино, валюта. Ты, Серега, провокаторов не слушай. Выбрал дорогу — шагай. В футбол играешь? Ну и хорошо, через полчаса, с местными пацанами играем. Ты, как самый молодой, будешь в нападении. Бегай и бей. Бегай и бей. По воротам бей, понял? Ставка — ящик пива. Проиграем, с тебя ящик. Шучу, шучу. Купили уже. Минут по тридцать, на большее нас не хватит.

Футбольное поле располагалось на диком пляже. Ворота заменили два больших камня, ширина десять шагов. Ворота противника обозначали две коряги, выброшенные приливом. Ширину ворот перемеряли несколько раз, у каждого свой шаг. Обязательный промер ширины ворот противника, как правило, увеличивал размер, а перемер вратарем — уменьшал. Если с длиной футбольного поля проблем не было, сто шагов, и всех первый замер устроил, то с воротами спорили не менее получаса, пока не вымеряли так, как надо.

Ширина обозначилась сама по себе, без вмешательства обеих сторон. От кромки прибоя и до ближайших холмов, хочешь, беги еще дальше.

Вот с судейством возникла серьезная проблема. Запасных игроков не было. Судить никто не хотел, судили все. Выигрывал тот, у кого мат был покруче, а кулак поувесистее, поэтому против мнения Николая никто не возражал. Но надо отдать должное, он в судейство особенно не лез.

Пять на пять, шестой вратарь. Бегать было непривычно тяжело, ноги зарывались в песок, рывок с мячом и обвести соперника не получалось, защитники падали под ноги, увязшие в песке. «Куча мала» перемещалась по всему полю, оставляя «отдыхать» нападающих. В выражениях никто не стеснялся, что может быть выразительнее и красочнее русского мата, наверное, все тот же мат, только в стихах. Получилось что-то среднее между регби и футболом.

Во всей этой суматошной возне вокруг мяча, Сергею удалось забить три гола, один оспорили почти в рукопашной, доказывая полет мяча за штангой, хотя никакой штанги не было, а значит плюс, минус полтора, два метра в нужную сторону всегда можно выпорить.

Полчаса игрового времени, со всеми разборками вылились в час. Уставшие и распаленные спорами, обе команды ушли на перерыв купаться в прохладные воды залива, со счетом 3:2 в пользу геологов.

Искупавшись, все потянулись к пиву. Оказывается, каждая команда пришла со своим ящиком пива, победитель и побежденный награждались персональной бутылкой, для восстановления сил и

душевного равновесия.

Второй тайм начался вяло, без энтузиазма, играть никто не хотел. Согласившись с первоначальным счетом, вернулись к пиву.

— Молодец, Сергей, выручил, — хлопая по плечу, сказал Николай. — Мы редко выигрываем, а ты, я смотрю, не особо устал.

— До училища в ручной мяч играл. У нас вот такое регби на каждой тренировке. Силовая нагрузка. Да и толкаются в ручном мяче не меньше. Год как не играл, я даже рад, что удалось размяться. Я уже и не знаю, к кому приехал, к вам, или к Валентине. Вечер уже, а ее нет. Может, вообще не приедет.

— Скоро приедут. Может с вездеходом, что случилось. Тайга, брат, как море, шуток не любит. Пока помоешься, переоденешься, они и подьедут. Вы давно знакомы?

— Двое суток во время перехода до Корсакова, день, вернее полночи в Южном. Месяц прошел. Она не знает, что я приехал.

— Почему не сообщил?

— Куда сообщать? Адреса не знал.

— Значит, сюрприз будет. Может, зря приехал?

— Может, и зря. Не знаю. Обещал приехать — приехал. В час ночи обратно, к отходу судна успею.

— Приехал и молодец. В случае чего к нам приходи, дорогу знаешь.

Комариные укусы чесать до крови.
Летний воздух пропитан карибским зноем.
Я хочу подарить тебе столько боли,
сколько выпито кофе в беседах с Невой.
С подоконника дома на Третьей Советской
выметают следы наших встреч чьи-то руки.
Наша старая комната сделалась детской,
вместо песен гитар незнакомые звуки
твои нежные скулы теперь остужают.
Красным штемпелем тонкие, узкие губы
в мою кожу теперь инородно вживляют
чересчур моногамных людей-однолюбов.
Они тихо смолкают при первой попытке
обнаружить в них страсть первобытного мира,
исполнять пиццикато по квинтам на скрипке
так интимно, чтоб пахло вином и жасмином.
А с утра к голубям выходить и молиться,
что друг друга случайно мы где-то нашли,
а сейчас лишь принять то, что не повторится
той любви. Ну а дом на Советской снесли.

Сознание пытается справиться с лодкой,
плывущей под питерским вечным дождём,
я чувствую тонко, я чувствую глоткой -
случившейся осенью дышим вдвоём.
Ты можешь молчать: дураков и так видно,
а время не терпит потерь и растрат.
Я мчусь за тобою и ,впрочем, не стыдно
сто двадцать по встречной. в кармане нет прав.
И вовсе не нужно чужие обиды
к себе под крыло и в районе груди,
я жду слишком жадно-взахлёб и флюиды
меня не спасут. за "душевно внутри"
я буду бороться. с сознанием и миром,
и питерским с дрожью похмельным дождём.
Случившейся осенью я транспортиром
себя и тебя начертаю вдвоём.

Светлана Халикова «Колокольчики»

Обыкновенный солнечный день на улицах провинциального городка. Снующиеся по улицам толпы людей с бессмысленно-озабоченными лицами. Железные волны машин, негодующе гудящие на некоторых людей, что перебежали через дорогу, не обращая внимания на отсутствующие светофоры. И два ангела на карнизе пятиэтажного здания, смотрящие вниз на раскрывшийся перед ними муравейник. Один, как и положено ангелам, одет в белоснежные ризы, излучающие свет, как и его крылья, переливающиеся небесными красками. На прекрасном лице, вечно юном, и молодом, играет тихая и кроткая улыбка. Но вот его собеседник... Он тоже ангел, но совсем другой. Серые перепончатые за спиной крылья, что чуть возвышаются над головой, давно поседевшей от явно несладкой жизни. Сложенные гармошкой, они напоминают более шторы, чем крылья. На теле черная мантия, как и у его собрата, переливающаяся под лучами солнца. Только, в отличие от первого, она не несет свет и утешение в лица. И его лицо давно потеряло свежесть молодости. Его даже было бы трудно назвать прекрасным. Скорее изможденное лицо со впалыми скулами, и блестящими от некой внутренней лихорадки глазами. Чуть изогнутые губы дрожат в непонятной насмешке, и он наблюдает за живыми потоками, что раскинулись под ними.

— Посмотри, брат, посмотри на этих суесящихся муравьев, что возомнили себя богами. Что ты видишь? — тихий голос небожителя дрожит от раздирающих его чувств.

— Как ты можешь так говорить, мой мятежный брат? — нежный и кроткий голос ему был ответом.

— И как ты можешь спрашивать меня об этом? Я вижу светлые и добрые лица, я вижу печаль из-за забот, и кроткую веру людей, что уповают на Бога. Не забывай, что Господь сделал нас зрителями этого города, а не судиями, что имеют право карать, или судить.

Мрачный ангел чуть покачал своей седой головой, нетерпеливо дую на челку, что скрыла его глаза.

Ты всегда был слишком отрешенным. Даже то, что мы живем здесь уже третий век, не разу не бывая на небе, не изменило тебя. Я не вижу того, что сейчас мне сказал ты. Присмотрись, не это создавал Бог, когда говорил «Создадим по образу и подобию нашему». Не эту серую массу, пожирающую, и ненавидящую сама себя. Он не мог так ошибаться, я не верю в это. И я не вижу названных тобой качеств в этих сердцах. Они полны суеты, низких утех. Неужели тебе нужно спуститься поближе, чтобы узреть Это? Очнись же, наконец, от своих грез, Самил, и посмотри трезвым взглядом.

Горечь и усталость слышались в этих словах. Крылатый не скрывал свою усталость, что с годами только увеличивалась в его сердце. Он видел, как постепенно люди становятся все хуже и хуже, теряют свои человеческие качества, и становятся окончательными носителями нового поколения — быдлосапиенс. Город все больше погружался в мир порока, и с каждым днем его сердце все больше наливается жгучим желанием пройти огненным дождем по этим мерзким улицам, дабы очистить все от скверны. Но... второй брат постоянно сдерживал его, напоминая своими мягкими речами об их назначении..

Все повторилось и в этот раз. Самил с улыбкой выслушивал своего брата, не перебивая, и лишь одаривая ослепительной улыбкой, при виде которой растаяло бы любое сердце и ушли бы сразу все мирские проблемы.

Брат, брат, ну что ты хочешь от этих детей? Ведь люди по сути своей всего лишь дети. Да, может их сердца и полны всего того, о чем говоришь ты мне, но, несмотря на это, они — дети Господни, и не нас судить, или пытаться изменить их. Он сам дал им свободу, потому их путь так сложен и тернист. Имей терпение, и рано или поздно люди найдут истину, которая есть в нас, и которую мы несем каждый день.

— И которую, неся каждый день, — резкая, и чуть злая реплика перебила ангела, не дав ему договорить, — мы скрываем от этих же детей, хотя могли бы помочь им в их пути. Каждый день

многие души обрекают себя на страдания и муки, они гибнут и издыхают в мучительных поисках Бога, и если это и есть расхваливаемая тобой свобода, то, клянусь нашим создателем, мне их жалко! И лучше бы наш Творец был жестоким тираном, что сразу бы сделал их счастливыми, и не заставлял так мучиться каждый день.

Этот разговор еще мог долго продолжаться, ибо каждый из собеседников имел свои доводы и утонченный ум, с веками только более развивающийся. Но, как всегда, сами люди не могут жить без происшествий.

Напряженный гул внизу улиц привлек собой внимание крылатых созданий, и перед ними возникла уже ставшей стандартом картина катастрофы — пьяный шофер сбил молодую девушку, что лежала сейчас на асфальте, доживая последние минуты. Сам шофер сумел уехать, несмотря на то, что был светлый и день, и люди плотной толпой стояли возле потерпевшей, не зная, что делать. Самил нахмурился, резко вскочив на ноги, и прыгнул вниз. Потоки ветра распрямили его чудесные крылья, и он подлетел к пострадавшей. Естественно, никто не мог увидеть ангела, но все почувствовали некое облегчение, и уверенность, что все будет хорошо. Рядом опустился и второй ангел, мрачно сложивший свои бледные руки на груди, и молчаливо наблюдавший за действиями брата. Кто-то уже позвонил в скорую, и «карета» помощи неслась на всей возможности своего двигателя, но явно не успевала. Глаза девушки уже начинали стекленеть, а дыхание уменьшаться. Ее тело стало мерцать незримым никому, кроме ангелов, светом.

— Ей еще рано покидать этот мир, — прошептал твердо Самил, светлый ангел, и начал пламенно молиться к Богу, прося его даровать девушки жизнь, и право пробыть здесь еще много счастливых лет, дабы дарить людям тепло и счастье.

Второй ангел лишь с усмешкой наблюдал за этими действиями, не понимая, зачем его брат так хочет, чтобы смертная выжила. Ну, проживет она немного больше, или меньше. Все равно ее ждет неминуемая смерть. Так не лучше умереть раньше, чтобы душа пережила меньше страданий, и пришла к Богу БОЛЕЕ чистой?

Раздумывая таким образом, он распрямил свои крылья, взмывая к крышам домов, и внезапно впился взором в машину, что на повышенной скорости ехала по улочкам. В сознании сразу укрепилась мысль, что это был ОН — тот, кто сбил несчастную, и даже не остановился ей помочь, а пытался удрать. И хоть мрачный ангел знал, что его брат спасет девушку, его глаза наливались злостью, и лицо становилось каменным.

Повиснув в воздухе буквально на несколько мгновений, он резко сорвался вслед за машиной, мысленно предупредив брата о своем исчезновении.

Все попытки Самила что-либо сказать ему были пресечены, и ангел полностью отрешился от всего, кроме машины, что поспешно удирала по улицам.

Как опытный хищник, он рассчитал все возможные пути и маршруты шофера, и уже готовил свою месть. «Никто не смеет уходить от ответственности», — хищно шептали его губы, и он полетел намного быстрее, обгоняя машину и резко опускаясь на дорогу.

Как говорили потом редкие прохожие, машина резко засигналила и начала вилять непонятными петлями, а потом...потом никто не понимал случившегося. Будто на миг перед всеми возник силуэт мрачного ангела, в который и врезалась машина, и яркий свет все закрыл от глаз. Когда изумленные люди посмотрели на дорогу, то уже ничего не было...

Через пару часов два утомленных ангела снова сидели на том же самом карнизе все в той же позе. На губах светлого играла добрая и умиротворенная улыбка. Он спас девушку, и она выжила до приезда «скорой». Теперь ее здоровье находилось в руках людей, и он не имел права больше вмешиваться. Но Самил был уверен, что люди сделают все так, как нужно.

— Ну что? Догнал шофера? — спросил он осторожно после некоторого молчания. Мрачный ангел поднял на него свой усталый взор, и молча кивнул головой.

— И?.. — брови чуть вопросительно взлетели вверх. — Ты сделал то же самое?

В ответ чернокрылый издал усталый вздох, и лишь молчаливо кивнул головой, устало прошептал: «Только Бог знает, как я жду того, когда люди станут лучше»....

P.S. В одном из многочисленных городков, мало чем отличающихся от тех, где сейчас и произошла моя история, на карнизе сидел светлый ангел, что кротко смотрел вниз, на толпы людей, которые были под его надзором.

Сзади него раздалось тихое всхлипывание, и появился человек, что испуганно смотрел на светлокрылого..

— Ты ангел? Значит... значит я мертв? — закричал он испуганно, делая пару шагов назад.

— Нет, мой брат... ты не умер.... Ты родился для новой жизни. У тебя есть время исправить свои ошибки, помогая людям.

У шофера, что сбил девушку, за спиной развивались еще не полностью сформировавшиеся черные крылья.

Оксана Горошкина

Мир самиздата

- Зачем вы перепечатываете на машинке "Войну и мир"?
- А сыну велели в школе прочитать, но он читает только самиздат...

Советский анекдот.

I

Тема самиздата обширна и неисчерпаема. Сегодня самиздатом можно назвать практически все, что угодно, и это вносит некоторую путаницу в разговор о нем. Одни настаивают на наличии обязательной идеологической и концептуальной подоплеки у самиздата. Другие непременно атрибутом самиздата считают неподцензурность текстов и свободное распространение издания. Третьи называют самиздатом любое издание, производимое в кустарных, "домашних" условиях.

Само слово "самиздат" появилось середине XX века в СССР. Поэт Николай Глазков в начале 1950-х годов выпускал рукописные (а позже и машинописные) книжечки со своими сочинениями, которые практически не печатались при его жизни. Книжечки выходили тиражом 3–4 экземпляра и раздаривались друзьям и знакомым поэта. На титульном листе Глазков указывал слово "самсебяиздат".

Со временем термин сократился до уже известного нам «самиздат», став прямым передразниванием наименований государственных издательств вроде "Госиздат", "Политиздат" и т.п.. "Самиздатом" стали называть любые неофициально изданные в рукописном или отпечатанном виде произведения литературы (проза, поэзия, публицистика), а также тексты религиозной и политической направленности.

Во времена государственной монополии на издательство выражение "изданные неофициально" означало "не подверженные цензуре", и это во многом, хотя и не полностью, определяло содержание самиздата. Наряду со стихами молодых поэтов, через самиздат стали распространяться переводы зарубежной литературы, не изданная, либо не подвергавшая переизданию советская литература, а также любые не прошедшие государственную цензуру или вовсе запрещенные к публикации тексты. Самиздат стал не только альтернативным способом распространения стихов и прозы, но и мощным инструментом правозащитной активности диссидентов.

Первыми ступенями в становлении самиздата как правозащитного инструмента стали два текста: запись общего собрания московских писателей осенью 1958 г., где шельмовали Пастернака, и запись процесса 1964 г. над Бродским, сделанная Фридой Вигдоровой. Опубликовав эти тексты, самиздат фактически вступил на территорию несвойственных ему ранее газетных жанров - публицистики, документалистики, судебного очерка.

Сегодня слово "самиздат" потеряло острую политическую окраску. Самиздат уже не несет в себе ничего антирежимного и вряд ли может служить для кого-то причиной посещения "мест не столь отдаленных". Владимир Буковский в автобиографическом романе «И возвращается ветер...» дал такое определение: «Самиздат: сам сочиняю, сам редактирую, сам цензурирую, сам издаю, сам распространяю, сам и отсиживаю за него», и в нашей статье мы будем ориентироваться именно на него (за исключением последней его части). Во избежание путаницы и идеологических споров, мы будем называть самиздатом журнал, или газету, не имеющую официального статуса и выходящую силами одного или нескольких лиц в любой доступной форме на любом доступном носителе. Это могут быть распечатанные на принтере и подшитые бумажные листы, или журнал, распространяющийся в электронном виде; газета, отпечатанная на деньги

создателей в типографии, или просто рукописные листовки.

Хотя само понятие «самиздат» появилось в СССР, но явление самостоятельного издания было известно намного раньше. В досоветский период наиболее популярными распространяемыми в рукописном виде книгами были радищевское "Путешествие из Петербурга в Москву" и комедия А. С. Грибоедова "Горе от ума". В XVIII веке по рукам ходили "крамольные" переводы Вольтера, масонские сочинения, едкие эпиграммы, политические трактаты и поэмы вольно-эротического содержания.

Сейчас самиздатом нередко занимаются сами молодые авторы, предоставляя себе и своим единомышленникам возможность опубликоваться. Начало этому процессу было положено в те же советские годы. В 1959 году молодому журналисту из «Московского комсомольца» Александру Гинзбургу пришла в голову идея выпускать машинописный поэтический сборник, состоящий из произведений разных авторов, по тем или иным причинам встречающих препятствия со стороны государственной цензуры. Сборник назывался «Синтаксис» и издавался открыто, с указанием имени и адреса издателя. Это не было обычным для того времени, и производило неизгладимое впечатление не только на современников, но и на службу госбезопасности (Гинзбург был арестован в 1961г.).

Всего вышло три номера «Синтаксиса», но начало самиздату, как отдельной издательской единице, было положено. Необязательность печатного станка для публикации литературных произведений была продемонстрирована наглядно, и после «Синтаксиса» возникло еще множество самиздатских сборников и альманахов. Люди начали «писать в самиздат», как раньше «писали в газету» или «в стол».

II

Статья о самиздате была бы не полной без рассказа о некоторых представителях самиздата, существующих на сегодняшний день. Одни имеют более широкую известность, другие же распространяются в достаточно узких кругах. Эти самиздаты имеют разную целевую аудиторию и разную идеологию. Но все они «сами себя издают».

Вольный лист

Альманах «Вольный лист».
г. Омск

Идея создания альманаха «Вольный лист» (г. Омск) возникла давно, но поначалу это был скорее не литературный, а околосамоиздательский проект комиксистов, рисовальщиков манги и просто художников.

Решение серьёзно взяться за альманах созрело в 2008, когда началась подготовка к первому номеру (на его обложке нет номера, так как тогда не было известно, будет ли у альманаха продолжение). Первоначальный состав редколлегии: Дмитрий Дзюмин, позднее основавший собственный электронный проект «Альтернатива», Серафима Орлова и Иван Таран (главный редактор).

Альманах ставит перед собой задачу знакомить читающую публику с малоизвестными, но интересными авторами, показывать, каким может быть мир, если его развернуть, открывая запретные грани и показывая по-настоящему человеческие мысли, слова и чувства. «Вольный лист» нацелен на создание объективной, то есть не зависящей от коллективных и индивидуальных вкусов, эстетики. Альманах «Вольный лист» – это альтернатива как бездуховному новаторству

постмодернистов, так и официальной литературе.

На момент написания статьи вышло четыре выпуска альманаха (последний из них - в сентябре 2010 года). Состав редколлегии: Виктор Власов, Иван Таран, Игорь Федоровский.

Ликбез

Самиздатовский «Ликбез» начал выходить почти 20 лет назад в стенах Алтайского госуниверситета. Альманах был основан в 1989 г. В. В. Корневым, С. Ю. Липовым и С. Ю. Левиным – в ту пору студентами ИФ АГУ. Свою идейно-эстетическую базу и саму расшифровку аббревиатуры как «ликвидации безнравственности» альманах получил гораздо позже. Например, в 1993 году Зам. Глав. Ред «Ликбеза» И. А. Копылов сформулировал три принципа альманаха:

«Ликбез» – это творческая лаборатория молодых авторов;

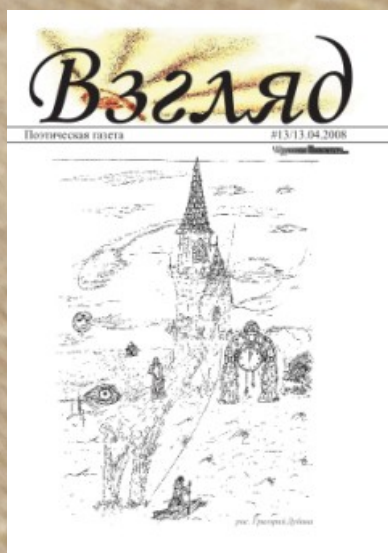
«Ликбез» – не просто собрание разных людей, но коллектив единомышленников;

«Ликбез» – это некоммерческое издание. В самых общих словах кредо творцов «Ликбеза» состоит в сочетании литературного новаторства с просвещенным патриотизмом и традиционализмом.

Редакция альманаха ратует за жизнерадостное и честное творчество, имеющее своей целью, не сублимацию «Я», а утверждение «Мы». Что касается собственно эстетической программы «Ликбеза», то попытки сформулировать таковую в свое время были обозначены то как «концептуализм», то как «новый реализм», «новый романтизм», наконец сегодня как «новая искренность». Все это слишком условно, чтобы привести к общему знаменателю творческие поиски всех столь различных авторов альманаха. Поэтому на страницах «Ликбеза» серьезность всегда будет дополняться иронией, народное – элитарным, умное – глупым.

С началом нового тысячелетия «Ликбез» переместился в Интернет, где по сей день и находится подробный архив его номеров (<http://lik-bez.ru>).

Взгляд

Поэтическая газета «Взгляд». г.
Комсомольск-на-Амуре

Первый номер поэтической газеты «Взгляд» появился на свет 13 сентября 2004 года в городе Комсомольске-на-Амуре. А точнее, был распечатан на принтере в домашних условиях творческого бардака, т.е. самиздатом. Создатель и первый редактор «Взгляда» – Черномаз Алексей Сергеевич, он же Талисман. Задумка сделать свою газету появилась у Алексея весной 2004 г. после общения с редколлегией молодежной газеты «Первый Пилот» и хабаровского самиздата «Анион» («Первый Пилот» – молодежная газета г. Комсомольска-на-Амуре, расцвет которой пришёлся на 1999-2004г.г., издавалась супругами Лукониными Костей и Лесей. Газета делалась всеобщими усилиями и была своеобразным центром молодёжных субкультур.).

Идея создать что-то своё пришлась Талисману по душе, энтузиазма было предостаточно, и этого вполне хватило, чтобы начать. Было распечатано и разослано по городам и весям обращение к поэтам с приглашением к сотрудничеству, и вскоре авторы откликнулись. Так увидел свет первый выпуск «Взгляда».

Концепция издания? Любой может попробовать свои силы, воплотить свою мечту. И не важно, что средств и опыта мало, всё это дело наживное. Если ничего не делать –

ничего и не будет. А есть ли талант у поэта – судить читателю, а не пыльному долгому ящику стола.

Целевая аудитория? Все, кому не безразлична поэзия. Каждый выпуск, в сущности, является сборником стихотворений на определённой эмоциональной волне.

Выходил «Взгляд» нерегулярно, 3 – 4 раза в год, за личный счёт издателя на цветном принтере тиражом от 30 до 500 экземпляров и рассылался почтой всем желающим за символическую плату в виде марок и конверта. С апреля 2007 г. редакторская должность официально перешла к Папыриной Ирине Васильевне, а Талисман занялся электронной версией газеты – сайтом <http://www.vzglyadik.ru>. Любой желающий получил возможность распечатать электронный архив «Взгляда» в домашних условиях, а также доступ к новым стихотворениям.

На сайте «Взгляда» представлены и другие образчики самиздата, хотя вряд ли можно сказать, что сайт позиционируется как сообщество самиздатов. Это литературный не автоматизированный сайт, и концепция у него та же, что и у его печатной версии.

Последний печатный номер «Взгляда» выходил 13 апреля 2008 года. Не известно, будут ли другие выпуски газеты – в этом мире возможно всё. В любом случае, история самиздата в целом на этом не заканчивается.

Василиск

Саратовский независимый литературно-художественный альманах. Первый номер «Василиска» вышел в 2001 г., через год после прекращения деятельности журнала «Волга». Издание продолжает традиции саратовского самиздата, публикуя в одном ряду с наиболее яркими саратовскими авторами литераторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Тольятти и др. городов..

Кредо «Василиска» - печатать в первую очередь не похожих на других начинающих авторов, дать этим авторам возможность ощутить себя в контексте этого самого литературного процесса во всём его многообразии: от традиционных стихов и прозы до визуальной поэзии и иных арт-жанров.

Альманах не является рупором какого-то одного поколения или протестного направления, но открывает читателю именно отдельные маргинальные фигуры и художественные группы (при чем маргинальность здесь следует понимать скорее как авторскую стратегию). Основные интересы редакции «Василиска» – это по-прежнему вся палитра современной поэзии и прозы и её анализ, воплощённый в литературно-критических эссе, рецензиях, обзорах художественной практики в столицах и регионах.

Журнал «Замок Иглиитхон».
Макет обложки

На момент написания статьи вышло пять номеров альманаха «Василиск». В редакционную коллегию на сегодняшний день входят: Антон Белохвостов, Александр Мисуров (Саратов), Алиса Розанова (Казань), Сергей Сумин (Тольятти), Леонид Юлдашев (Челябинск).

Замок Иглиитхон

«Замок Иглиитхон» — почти ежесезонный литературный самиздат для всех творческих людей, любящих стихи, рассказы и фэнтези. На данный момент «Замок Иглиитхон» практически полностью пишется в литературной группе ВКонтакте силами ее обитателей (<http://vkontakte.ru/club10150529>). От остальных изданий подобного рода «Замок Иглиитхон» отличается тем, что

это не банальный альманах, а цикл историй, разных по месту действия, но связанных между собой действующими лицами. На его страницах живут постоянные персонажи — обитатели замка: лич графиня, ее приемная дочь эльфийка, драконицы Змеюнн и Металлоримбристая и многие другие. Все произведения авторов объединены общей историей — днем из жизни кого-либо из персонажей. Чаще веселой, иногда грустной. И у каждого из авторов есть возможность принять участие в написании номера, создав своего персонажа и предложив редактору идею истории, или просто подключившись к написанию очередной сказки. Распространяется издание по электронной почте всем желающим, а также имеет архив на сайте дружественного самиздата «Взгляд».

Подорожник

Первоначально (в конце 1990-х-начале 2000-х гг.) «Подорожник» выходил в бумажном виде. Выпускала его Чуфистова Эльвира Оттовна. В 1990-е годы она по собственной инициативе возглавила отдел писем в алтайском издании для инвалидов «Встреча». «Неустанными заботами Эльвиры Оттовны в качестве редактора отдела писем журнал стал содержателем и популярен далеко за пределами края, получил грант, - рассказывает сотрудник редакции Борис Тушин. - Со всей страны люди, страдающие физическими недугами, писали ей о своих бедах и радостях, и она отвечала всем, принимая чужую боль и чужую радость, как свои. Многие адресаты стали ее друзьями.»

Потом из «Встречи» ей пришлось уйти, и в 2001 году, в шестидесятилетнем возрасте освоив компьютер, она стала издателем журнала «Подорожник». Эльвира Оттовна вспоминала: «После работы в журнале «Встреча» у меня осталось очень много невостребованных материалов, люди продолжали присылать мне свои творения просто так. И тогда я решила издавать свой журнальчик. Долго подбирала к нему название и, наконец, придумала. «Подорожник» будет людей немножко подлечивать». Из разных уголков России к ней приходили тексты. Она на домашнем компьютере верстала их в небольшие брошюры и распространяла журнал в узком кругу. Тираж и периодичность издания были ограничены физическими и финансовыми возможностями Эльвиры Оттовны. При этом ни один из авторов не был обижен. «Я не беру строчку из этого, полстрочки. Я беру или полностью, или не беру совсем. Я не позволяю себе чиркать и марать творчество людей. Потому что знаю, в каких условиях они это создают, и просто из уважения к труду», - подчеркивала Эльвира Оттовна в одном из интервью в октябре 2005 года.

Сама Эльвира Оттовна была смертельно больна и вскоре ее не стало. В марте 2009 года Виктория Чумак решила взять на себя обязанности редактора «Подорожника». Журнал стал несколько иным и перешел в электронный формат. Дочь Эльвиры Оттовны, Анна Лукьянова помогла создать сайт, где теперь и размещается «Подорожник» (<http://podorognik.gantor.ru>).

Сегодня «Подорожник» открыт для всех. Инвалиды - часть общества, активная, энергичная. И сейчас важно научиться сосуществовать всем вместе, уважать друг друга и принимать такими, какие мы все есть. Все авторы - физически здоровые и больные - имеют равные возможности и права. Главные требования к произведениям - отсутствие пошлости, нецензурщины, оригинальность мышления и светлый взгляд на мир, патриотизм. Авторы «Подорожника» - очень разные, живущие не только в России, но и в странах бывшего Союза. Всех их объединяет русский язык.

В электронном «Подорожнике» появились новые рубрики. В «Гостиной» проходят беседы с интересными людьми, увлеченными, с творческим взглядом на мир. В рубрике «Матрёшка» публикуются детские произведения (для детей и авторов-детей).

Рубрика «Забытые имена» - рассказывает об авторах, оставивших свой след в искусстве, литературе, но в настоящее время широкому кругу читателей неизвестных.

Непосредственно на сайте журнала есть раздел «Судьба человека», рассказывающий о людях, преодолевших недуг, нашедших свое дело в этой жизни. Девиз электронного «Подорожника» - слова Максима Горького: "«Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу и тоску? Что сделали вы в помощь себе?»"

III

В этой статье дан лишь небольшой обзор мира самиздата как такового, и современных самиздатов в частности. В него не вошли еще многие, достойные внимания журналы и альманахи. Но даже эта маленькая подборка иллюстрирует, насколько разные по характеру и концепции самиздаты существуют сегодня.

В тяжелые времена самиздат выполнял функцию голоса оппозиции, «рупора свободы», распространяя неподверженное цензуре слово. Теперь самиздат позволяет своему создателю говорить то, что не было сказано до сих пор, в той форме, в которой это еще не было сказано. Не смотря на то, что сегодня самиздат потерял свою острую политическую направленность, он все еще продолжает быть свободным словом отдельного человека или даже целой общности людей. И именно благодаря этой свободе самиздат не умрет никогда.

IV

Редакция БУКа выражает сердечную благодарность коллективам самиздатов «Вольный лист», «Подорожник», «Взгляд», «Василиск», «Ликбез», «Замок Иглитхон» за сотрудничество и помощь в подготовке материала.

Ссылки:

Альманах «Ликбез» (<http://www.lik-bez.ru/>)

Журнал «Василиск» на новой литературной карте России (<http://www.litkarta.ru/russia/saratov/institutions/vasilisk/>)

Журнал «Подорожник» (<http://podorognik.gantor.ru/>)

Литературная газета «Взгляд» и сообщество самиздатов «Взглядик» (<http://www.vzglyadik.ru>)

Журнал «Альтернатива» (<http://www.promegalit.ru/magazines.php?id=1>)

Мегалит — евразийский журнальный портал (<http://promegalit.ru/>)

Истоки и смысл советского самиздата (http://antology.igrunov.ru/a_daniel.html)

Онлайн энциклопедии Кругосвет. Самиздат (http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/SAMIZDAT.html)

Наука. Самиздат (<http://ru.science.wikia.com/wiki/Самиздат>)

Говорит Москва (<http://www.ruthenia.ru/moskva/encycl/s/samizd.htm>)

Олег Рогов. Два самиздата (<http://grimmir.8m.com/saratov/ArtDokKor.htm>)

Сборник «Синтаксис» (<http://antology.igrunov.ru/60-s/periodicals/sintaxis/>)

Анастасия Дестера
Петербургская любовь

Я - тень из одетого в камень болота,
Я - призрак, живущий средь серых строений,
Один из обломков петровского бота,
Гонимый ветрами дождливых мгновений.

Ты - радостный отблеск забытого света,
Ты - редкое солнце над хмурым заливом,
Недолгая ласка холодного лета,
Хранимая в сердце, как сфинкс, молчаливом.

Во мне строгость линий, суровость фасадов,
Я предал мечту, захлебнувшись в изменах...
В тебе - билась лёгкость фонтанных каскадов,
Затихшая с пульсом в разрезанных венах.

Шумел Петербург, как тайга, этой ночью.
Я долго смотрел изменившимся взглядом,
Как северный ветер рвёт облако в клочья,
И тихо шептал: "Дорогая, я рядом..."

Не смотрите на небо ночное,
Если сердце сжимают тревоги -
Там безмолвие звёзд ледяное,
И полны безразличия боги.
Там искрятся миры в млечной тоге,
Только вас не согреет их свет,
Замерзающий в долгой дороге
Сквозь пространство бесчисленных лет.
Лучше правду в ногах поищите
И почувствуйте, сердцем моля
О душевном тепле и защите,
Как надёжно вас держит Земля!
Шаг, другой... и Земля подхватила!
Она ловит, упасть не даёт!
Наш покой бережёт её сила -
Бесконечный вселенский полёт.
Привыкайте к Земле... Не поднимет
Никого смертный вздох в небеса.
Всех могила в объятия примет,
И оплачет земная роса.

Последний день августа

Актриса Весна,
Актриса Весна,
Позволь нам дожить,
Позволь нам допеть
До весны...
(Ю. Шевчук) Актриса Весна,

На почерневшем небосводе
Мелькнула звёздная слеза -
То плачут августа глаза
По угасающей природе.
Холодной дымкой на лугах
Дорогу осень выстилает
И на разведку посылает
Грибы на согнутых ногах.
Седеют травы по утрам
В плену росистой паутины,

И пишет дождь свои картины,
Внимая северным ветрам.
Я поднимусь, как птичья стая,
Над безымянною рекой,
В которой холод свой покой
Хранит до солнечного мая.
Пусть дрогнет старый узкий мост,
Скрипя залившимся сопрано -
Мне отправляться ещё рано
На заболоченный погост.
Весной вернуться обещал
Ты, уходя куда-то с летом -
Живой остаться в мире этом
Кто б до весны мне силы дал!
Петляют звёздные пути,
Рябится мысль на водной глади -
Тебя увидеть, бога ради...
А там... Не страшно и уйти.

Владимир Жириков

Он был старше ее

Он был старше её,
Она была хороша,
В её маленьком теле гостила душа...
...Он любил её,
Она любила летать по ночам...

А. Макаревич

— Почему моя маленькая девочка все еще сидит за ноутбуком? Маленькая девочка хочет в кроватку и баиньки.

— Кирилл! Я тебя тысячу раз просила не называть меня маленькой девочкой. И не обращаться ко мне в третьем лице.

— Хорошо, моя маленькая девочка... То есть, хорошо, Лика! Но тебе и вправду пора в кровать. Лично я, так уже с ног валюсь.

— Иди, сам ложись. Я не хочу.

Я захлопнула в компе все окна, прикрыла крышку-монитор и отставила его на кухонный стол. Я не хочу, чтобы он случайно подглядел, что там у меня на экране. У Кирилла большой стационарный компьютер, он стоит у него в кабинете. Мне было очень неудобно постоянно ждать, пока он освободится, чтобы хотя бы просмотреть свою почту. Я долго кланчила у него купить мне собственный. Ради этого пришлось даже целых два месяца прикидываться ласковой женошкой и «послушной девочкой».

— Чем ты собираешься заниматься? — Кирилл провел по своей небритой щеке ладонью до подбородка, вопросительно посмотрел мне в глаза.

— Сегодня ясная ночь. Дождусь, когда взойдет луна. Я хочу немного полетать.

— Вздор! Моя маленькая девочка опять гово... Прости... Лика, ты говоришь глупости. Человек неспособен к левитации.

— Я могу.

— Не верю!

— Твое право. А я могу.

— Хватит нести ерунду, пошли спать, — немного помолчав, он сменил тон на более ласковый. — Моя милая девочка очень давно не ублажала своего мУжика.

— Потом. Потерпи неделю. Когда наступит новолуние...

— Когда наступит новолуние, у тебя начнутся месячные, — от волнения или от злости он обратился ко мне во втором лице. — Потом снова взойдет луна, и начнутся эти бредни про ночные полеты!

— Кирилл, иди спать. Я еще немного поработаю до восхода луны.

— Поработает она, — Кирилл повысил голос. — Будет писать новые глупые рассказы! За работу, между прочим, платят деньги! Хоть копейку моя женошка этим заработала?

— Что?! — я закусила от злости нижнюю губу, а мои пальцы сами сжались в кулаки. — Ты еще будешь меня копейкой попрекать?!!

— Ну прости, прости, дорогая девочка!

Он подошел ко мне и обнял за плечи. Когда он жалел меня искренне, то даже переставал быть мне противен. Я уткнулась ему в плечо и тихо заплакала, а он гладил меня по голове и приговаривал:

— Ну, хорошо, хорошо. Все хорошо. Ну не плачь, занимайся своим творчеством сколько угодно. Ты же знаешь, я все позволяю моей маленькой девочке... Ну, успокойся, — немного помолчав, он шепнул

мне на ухо:

— Пошли в кровать...

Я уже была готова сдаться и вытерпеть этот супружеский ритуал, но мой взгляд снова упал на компьютер. Возможно, в почте уже лежит письмо, которого я с нетерпением ждала.

— Иди сам, — сказала я ему. — Я, правда, посижу немного до восхода луны.

Он оставил меня и направился в спальню. Глядя на его удаляющуюся сутулую фигуру, мне даже стало его жалко. Пойти, что ли, за ним? Но нет, жалость — это не любовь. Когда дверь закрылась за ним, все эмоции меня покинули. Теперь он снова для меня лишь мерзкий старик, которому два года назад меня юной восемнадцатилетней девушкой отдали родители. Нет, продали за какие-то блага...

«Милая, весь день я скучал по тебе! Не было ни одной минуты, чтобы в моем сознании перед глазами не представилось твое божественное лицо. Всего несколько часов разлуки, а мне кажется, прошел целый год. Вот уже и вечер, я весь в трепетном волнении, я тоскую, я жду тебя, любимая...»

Любая женщина, прочитав такие строки, не смогла бы сдержать волнение, не смогла бы унять разносящуюся по всему телу горячую волну. Я читала, а в это время слышала, как из спальни доносилась возня и хриплое дыхание моего мужа. Кто знает, если бы от него я услышала хоть малую толику того, что прочитала в этом письме, а не его вечное «маленькая девочка хочет сегодня остаться дома, маленькая девочка должна любить своего мУжика...» — кто знает, все могло бы быть по-другому.

Когда частое дыхание в спальне (у нас удивительная слышимость) сменилось спокойным храпом, я, стараясь не шуметь, надела куртку и вышла на балкон. Я никому не показывала, что умею летать. И научилась этому сравнительно недавно. В тот день, когда у меня выросли крылья. Нет, это образно. Никакие отростки с перьями у меня за спиной не появились. Просто меня окрылила любовь. Когда я встретила Его, я буквально стала летать. Порхать как бабочка. Так... Ночная бабочка — эвон куда понесло. Нет, ничего не подумайте. Для меня теперь есть только Он. Он, единственный.

Я по ночам не выхожу из квартиры через дверь, она остается запертой изнутри на все засовы. Пусть Кирилл думает, что я улетаю. А спуститься с четвертого этажа, используя альпинистское снаряжение — не составляет большого труда. Один раз, когда я под утро собиралась влезть обратно, выяснилось, что меня поджидает милиция. Соседи проявили бдительность. Хорошо, у меня был при себе паспорт, я сказала, что забыла ключи. Очевидно, после этого соседи разгадали мою хитрость, но мужу ничего не сказали. Его в нашем подъезде не очень любили.

Я мчалась на своих невидимых крыльях, хлопая ими на ветру. Нет, это полы моей не застегнутой куртки развевались и хлопали меня по бокам. Я влетела к Нему и, не успев отдышаться, прижалась к его груди. Мускулистой и сильной. Мой Человек! Мой Мужчина! Не то, что этот полудохлый старикашка, мой муж. Да, он страдает. И пусть, это его проблемы. Используя разные предлоги, я стараюсь избегать секса с ним. Надо отдать ему должное, он переживает это без серьезных скандалов. Только лишь раздражается и потихоньку онанирует, когда, излишне возбуждвшись, отправляется спать без меня. Но что я могу поделать? Мне не интересен секс с этим человеком. Мало того, что никакой фантазии, его стариковский оргазм наступает в полуразмягченном состоянии того элемента, который и фаллосом-то назвать язык не поворачивается. Зато сей орган моего Мужчины, моего Ненасытного Самца может доставлять радость не то что минуты — часы.

— Боже мой, Анжелика, как я ждал тебя! — он оторвался от моих губ, и между нами неожиданно появился букет роз. — Я весь исстрадался, ну почему ты так долго?

— Я очень спешила, — оправдывалась я, принимая цветы. — Мой старикашка все колобродил, не хотел укладываться спать.

— Но наконец ты моя. Моя на всю ночь.

Он целовал меня и увлекал в спальню, на ходу стаскивая с меня одежды и разбрасывая их по полу.

А я улетаала, теперь по-настоящему — душа моя отрывалась от бренного тела и уносилась в сказочную страну. А телом я ощущала только Его, его прикосновения, его ласки, его поцелуи,

которыми он покрывал меня с макушки до самых пяток. Я изгибалась, подставляя ему для поцелуев то грудь, то живот, то самый главный источник наслаждения, который источал невероятное количество влаги. И было видно, какое немыслимое удовольствие это доставляет Ему, поскольку нетерпение его с каждой минутой нарастало все сильнее, и должно было разрешиться бурным фонтаном там, во мне.

Когда закончился первый акт этой, рассчитанной на всю ночь, пьесы, мы лежали, обнявшись и уставившись в темный потолок, освещенный лишь убывающей луной. Утомленные, мы молча считали лунных зайцев на потолке, рождаемых замысловатым узором тюля, которым было занавешено окно. Я еще не пришла в себя, но внезапно вновь увидела над собой его лицо. Мой неутомимый Мужчина снова желал меня. Страстно и неудержимо.

Время было раннее, без чего-то шесть, на улице еще стояла октябрьская темень. Сначала я хотела подремать часок, перед тем, как разбудить его и отправить на работу, но, войдя в квартиру, увидела свет на кухне. Может, это я забыла погасить? И тогда я решила сначала выпить горячего кофе, а завалиться спать, когда он уйдет. Кирилл сидел на кухне с кружкой остывшего чая в руках. Казалось, что он задремал, и кружка вот-вот выпадет из рук. Заметив меня, он поставил кружку на стол и сделал шаг мне навстречу.

— Девочка моя, я так за тебя переживал!

В его голосе появилось что-то человеческое. Ну хоть бы подошел поближе, обнял бы, прижал к груди. Но он остановился, засунул руки в карманы халата и завел свою обычную пластинку.

— Маленькая девочка должна по ночам спать в кроватке. Левитация — это бред. Откуда эти цветы?

Я поставила розы в вазу и налила воды. Откуда, главное! Сам бы хоть ромашку мне подарил, хоть лютик. Первый и последний букет я получила от него на нашу свадьбу, и то все выбирал, какой подешевле.

— Я украла их на чужом балконе.

— Вздор. Какие розы могут расти на балконе в октябре? Ты бегала к любовнику?

Блин! Разве это сцена ревности? Таким тоном задают вопросы, была ли я у дантиста.

— Я летала. Эти розы кто-то выставил на ночь на балкон. Мне они понравились, и я их украла.

Ну хоть бы сказал, раз тебе нравятся розы, я принесу тебе букет. Хоть бы сказал: «Я люблю тебя и никому не отдам!» Нет. Опять эти идиотские нотации. Как вытерпеть еще два часа, пока он уйдет на работу? Чтобы переменить тему, я подошла к столу и заглянула в его кружку.

— Боже, Кирилл! Ты опять пьешь такой крепкий чай! У тебя же сердце...

— Ну и что? Подумаешь, помру. Может, хоть это вызовет в тебе какие-то эмоции...

— Помрешь... А если в инвалидной коляске окажешься? А мне потом — за тобой ухаживай!

— Лика...

— Что?

— Обещай, что не будешь больше летать...

Я отвернулась, чтобы не смотреть ему в глаза.

— Хорошо...

— Мы совсем перестали предохраняться, — заметил Он. — А если ты залетишь?

— Я и так всю ночь летаю, — еще не врубилась я. — Что? А, не думай об этом.

— Но ведь ты с ним не спишь, надо сделать так, чтобы он не догадался.

— Может, мне вообще от него уйти?

— Зачем?

— Мне надоели эти встречи украдкой по ночам, — я поднялась на локте и посмотрела ему в лицо, освещенное тусклым светом луны. — Я хочу быть с тобой всегда.

— Я тоже этого хочу. Но... Еще не время. Понимаешь? Не будем спешить. Ведь нам и так хорошо, правда?

Он обнял меня и ловко водрузил на себя сверху. Вздрыбленный член уперся точно туда, куда надо. Но впервые соитие с Ним не доставило мне наслаждения.

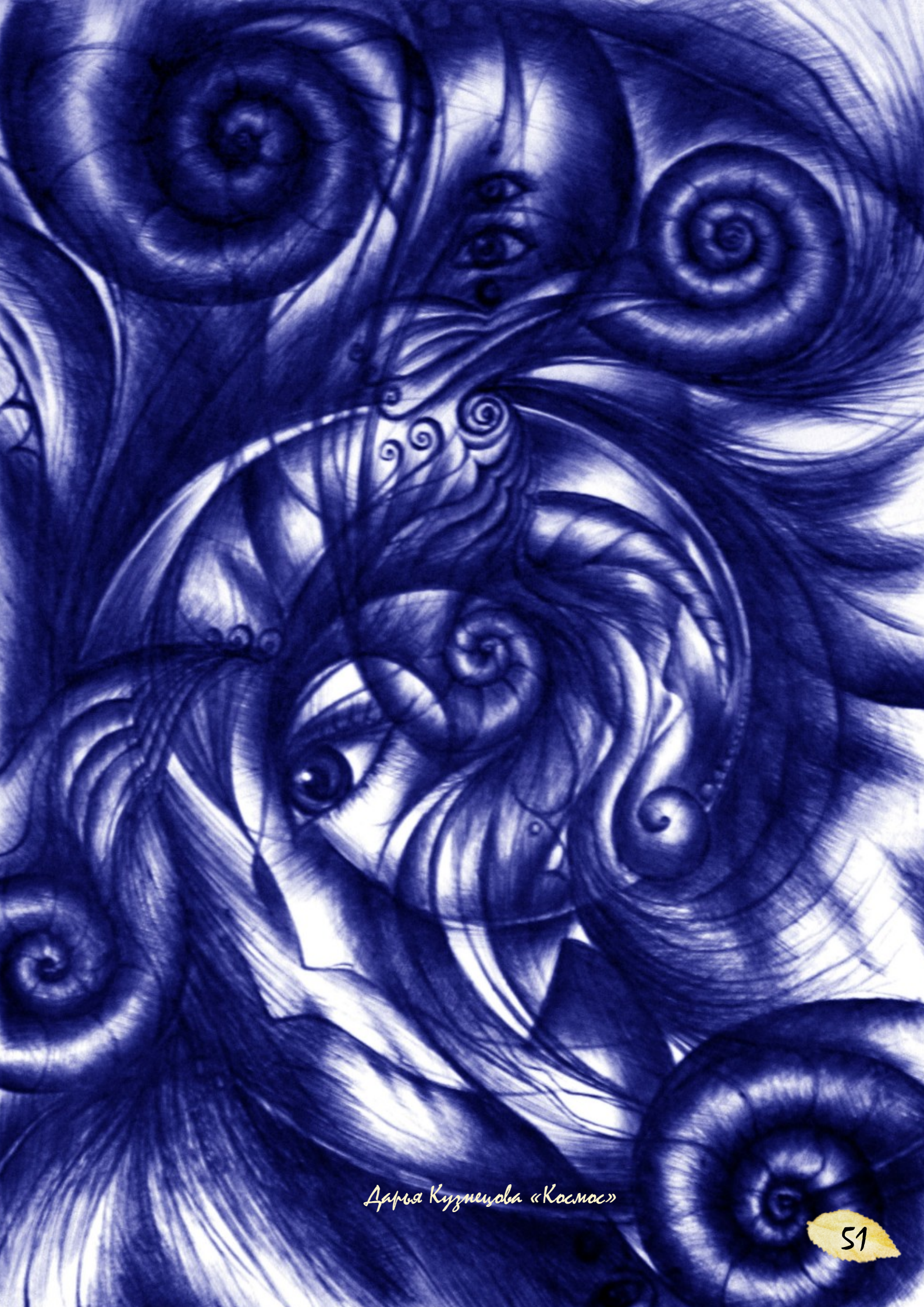
Возле подъезда собралась толпа. Мигая синим маячком, сквозь нее пробиралась «Газель» скорой помощи. За ней, почти вплотную, — милицейский УАЗик. Соседи расступились, пропуская меня. Кто-то бросил вслед: "Шлюха..." Кирилл был еще жив. Увидев меня, он улыбнулся слабой улыбкой. Ему было нестерпимо больно, но он не издавал ни стона. Нога неестественно вывернута, изо рта идет кровь.

— Я тоже хотел научиться летать... — тихо шептал он. — Чтобы мы летали вместе с тобой... Я люблю тебя...

Я взяла его руку. Она слабела с каждым мгновением. Подошел врач скорой помощи. Проверил пульс, открыл пальцами веко. Подозвал санитаря.

— Всё. Мы его не возьмем. Вызывай труповозку...

Дарья Кузнецова «Космос»

Кто-то заходит в тесную, душную комнатуху, громко топая сапогами. Ясно кто. Солдат. Что ж, никого другого теперь ждать не приходится.

Снежана — в виде исключения ей разрешили оставить ее собственное имя, больно оно подходило к ее внешности — нарочито медленно потянулась, выпрямилась и села на узком диванчике, открыв соблазнительные ноги.

Солдат все еще стоял у двери. Не то чтобы молодой... Похоже, просто не привык пользоваться такого рода услугами.

— Ну что же ты, милый? Иди сюда! — проговорила Снежана самым нежным голосом, на какой была способна.

Он вошел и жестом попросил ее раздеться. Она тут же этим занялась. Похоже, молчание казалось ему неловким — для Снежаны-то это была просто техническая пауза, заминка — и он спросил:

— Откуда ты?

Снежана помедлила. Сказать, не сказать? Да какая, собственно, разница?

— Варшава, — не солгала, не призналась. Город большой, в случае чего — не найдет.

— Был у нас один... Из Варшавы. Все дом свой вспоминал. Детство. О маме говорил часто. Марком звали.

— Звали?

К этому она тоже привыкла. Война. Многие приходили выговориться. Платили те же деньги, смотрели на ее обнаженное тело — и говорили. Любопытство — часть работы. И заработка.

— Да помер он, помер. Недавно совсем. Только-только письмо домой отправил. Всегда ведь так о матери беспокоился, говорил, она у него одна осталась, почти каждую неделю ей писал... Многие, я знаю, смеялись над мальчиком, а я думал: зря. Искренний он был просто, вот что. Искренний, честный и чистый, и не было у него никого, кроме мамы. Вот он и старался, как мог... оградить от неприятностей, — голос у мужчины дрогнул, но она не обратила внимания. Нельзя. Сейчас нужно пододвинуться поближе и обнять потихоньку за плечи.

— Он ей все расписывал, как его кормят замечательно, каких он товарищей встретил... а над ним смеялись и отбирали бумагу. Он все плакал, просил: отдайте. Не слушали. Он заново переписывал... И перед сном о маме вспомнит, и за едой нет-нет да и сравнит ее пирожки с походной стряпней... И всегда такое у него в глазах проскальзывало, что... ну, в общем, я не неженка, но парня жаль было.

А потом его ранили. Он лежал и умирал, и помочь уже было ничем нельзя. Только я, как кретин, схватил его на закорки и понес к врачам. По дороге останавливался, поил водой из фляжки, хлестал по щекам и заставлял оставаться в живых. Но мальчик не... не смог. Он... он просто обмяк у меня на руках, и все. Лицо расслабилось, губы, кажется, решили раздвинуться в последнюю улыбку, но не успели. Он позвал тихонько — не меня, конечно, маму — протянул руки... и все. Мужчина закрыл лицо руками. Снежана будто бы осторожно, скованно, погладила его сначала по голове, потом по плечу.

— Я ему, если честно, всегда завидовал. Такая любовь, такие узы... По-моему, и мама его все время о нем думала... Представить даже не могу, что с ней случилось, когда... когда после того, как пришло письмо с заверением о том, что все хорошо, принесли похоронку. Бедная женщина... А я даже не знаю, что сказал бы ей при встрече. «Извините, ваш сын умер у меня на руках? Извини, что я тебе чужой и не могу утешить»?

Плечи солдата затряслись. Снежане показалось, он сейчас заплачет.

— Ну-ну, маленький, не переживай. Ну почему тебе так грустно?

Большого от нее и не требовалось.

— Подкидыш я. Нет у меня ни отца, ни матери. Только я — и все. И на себя полагаться не приходится, — губы его согнулись в горькой ухмылке. — Вообще — не на кого полагаться. Вот и пришел.

Теперь нужно только раскрыть объятия и предложить.

— Ну, иди сюда, иди ко мне, обними меня...

Слова льются бессмысленной, но такой знакомой и успокаивающей ниточкой.

Она хотела продолжить, но он остановил:

— Нет. Давай... просто посидим.

Он закрыл глаза и вдохнул запах ее волос. Видно, представляет, какой была бы его мать. Пока он не видит, Снежана презрительно усмехнулась.

Взгляд упал на часы... Отпущенные полчаса миновали.

— Все, хватит. Все остальное стоит дополнительных денег, - сказала она уже совсем другим, резким голосом.

Он отстранился, поднялся и ушел. Обернувшись в дверях, сказал без всякого выражения:

— Спасибо.

И дверь закрылась.

А Снежана вновь легла на диванчик, закрыла глаза и стала ждать следующего клиента. Что-то ей подсказало, что теперь угрызения совести точно не будут ее мучить. Марка больше нет.

Зайдя в ванную комнату, я с ужасом бросила взгляд на квадратное зеркало, такое искреннее и чертовски колкое в критической оценке. Исподлобья на меня смотрело странное существо: высокая, худощавая, сутулая женщина, изрядно потасканная жизнью. Изысканные музыкальные пальцы были сжаты в кулак, вены на руках отчетливо проступали, бледная кожа отдавала болезненной синевой. Темные круги под глазами, тонкие поджатые губы и длинные волосы земельно-серого цвета наводили ужас на их обладательницу: «Ненавижу себя и проклинаю! Жалкая, потерянная, ничтожная для всего человечества. Когда я успела? Как?! Лучшая ученица в классе, а после студентка и преуспевающая бизнес-вумэн. Что привело меня к полному растлению души и тела, к убийственным переменам?». Веки устало опустились, не в силах выдерживать и дальше тяжесть омерзительного отражения. Кожа на подушечках пальцев такая тонкая и сухая, вот-вот треснет. Ком подкатывает к горлу, соленые капли стоят в глазах. Из-за стены раздаются чьи-то мерзкие вопли, превращающиеся в тошнотворный гул. Я резко поднесла ладонь к дрожащим губам, разомкнула их, стараясь проронить крик отчаяния. Дикий звериный вопль, хранящий в себе мою печаль, направленный прямо к Господу Богу, не остановившему однажды и позволившему сделать шаг на пути к пропасти, позволившему пошатнуться и рухнуть с обрыва скромной, но приятной повседневности прямо в злчную яму разочарования, предательств и обид. «Не могу так больше: во мне нет ни сил, ни желаний, ни стремлений. Я — никто, пустое место на поверхности Земли, песчинка, сосредоточение невыносимых людских страданий!» — мысли путаются в голове. На часах уже половина первого. Тошнит. Оторвала кусок своей блузки, заткнула слив в раковине и открыла кран. Холодная вода тонким ручейком полилась на без того замерзшие ладони. Хочется выпить текилы, бутылка стоит неподалеку. Я тянусь к ней рукой, обнимаю за горлышко, стараюсь сжать пальцы, поднять стеклянный сосуд, но он внезапно содрогнулся от моего касания и со звонким свистом обрушился на пол. Осколки разлетелись в разные стороны, комнату наполнил резкий запах алкоголя, медленно подползающего к моим босым ступням. Я молниеносно отпрянула и прислонилась к стене, устало сползая по ней к холодному кафельному полу. Обхватила голову руками, изо всей силы нажимая на виски и стараясь унять мигрень, преследующую меня на протяжении последних недель. В глазах все плывет. Мой бойфренд Майки сейчас, должно быть, на балконе, смотрит с пятнадцатого этажа на редких прохожих, радуется тому, что они живы и чувствуют себя отлично в столь поздний час. Да, он не утратил эту чудесную способность радоваться за других, ему это не чуждо. Но он уже давно не рад мне и моему присутствию в нашем доме. Я — обуза, слишком тяжелая ноша. Пригрел на своей груди, а теперь об этом жалеет. Его пьяные дружки листают наш старый фотоальбом, вырывают из него удачные кадры и скручивают в тонкие трубочки. Зачем? Зачем?! За тем, на что я потратила всю свою жизнь, молодость, красоту, способность любить, быть любимой и умиляться каждому новому дню! Злорадный хохот раздается из комнаты, сердце сковывает тоской. Время не повернешь вспять, ничто неизменно в этом мире, никакие вердикты судьбы не поддаются обжалованию. Я не плачу, но так сильно этого хочу, хочу рыдать, хочу чувствовать, вместо того, чтобы корчиться от боли и стонать, извиваясь в адских муках! Мобильный лежит на полу, осталось только дотянуться. Запястье такое тонкое, боюсь, как бы не переломилось, но все-таки пытаюсь коснуться своего спасения. Беру трубку в руку, подношу к лицу, тушь размазана по щекам неряшливыми черными разводами. Ничего не вижу, глаза застилает пелена слез, горьких... таких, как зерна кофе или же горошины черного перца. Ищу знакомый номер. Дон, Сара, Фрэнк, Саймон, Лиза и дальше по списку — ублюдки и лицемеры. Да пропади они пропадом! Ну, где же ты... где? Спустя мгновение я нашла телефон человека, которому не звонила так давно и которому обязана позвонить именно сейчас. Одно нажатие на кнопку и ожидание длиною в несколько секунд. Приятный женский голос разрывает тишину:

— Але. Кристина, где ты? Почему не звонишь?! Я так волнуюсь, места себе не нахожу! Не

представляешь, что происходило за время твоего отсутствия! Рори окончил школу с красным дипломом, отец устроился менеджером в фирму по продаже бытовой техники, больше не грустит, теперь увлечен любимым делом, и мне не приходится утешать его по ночам, когда он смотрит на твою фотографию, что стоит на камине, и тяжело вздыхает. Он любит тебя и часто произносит твое имя. Мы тебя вспоминаем. Ты по-прежнему наш маленький ангел. Тяжело в этом признаваться, но твой брат винит во всем себя. Если бы вы тогда не поссорились, ты бы не ушла из дома, правда? У него сейчас нет друзей, ведь... возможно, ты не в курсе, что была его единственным другом с самого рождения. Он пишет письма, но не знает, на какой адрес их отправить. Однажды я видела, как бедняга плакал, забравшись на чердак, но в тот момент не стала его утешать, одиночество на подростка иногда действует с пользой. Мальчик оправится, но только тогда, когда снова увидит тебя. Наш пес, Донни, ты еще помнишь его? Он... погиб. Сбит машиной, за рулем которой сидел пьяный водитель. Это был еще один удар для Рори. Но он сильный, выдержал. Надеюсь, все будет в порядке. Как ты там? С кем, где, чем занята? Я, правда, переживаю... возвращайся скорее! Мы... мы все тебя очень любим. Столько нужно рассказать, столько нужно поделиться. Я, наверное, тебе уже надоела, но... так рада вновь выйти на связь. А сейчас не молчи, Кристин. Умоляю, не молчи... Кристина... Кристина! Пожалуйста, ответь! Прошу тебя, не молчи!

— Прости меня, мам.

Разум заволокло пеленой блекло-серого тумана, состоящего из воспоминаний. Я видела прошлое, видела себя, родителей и брата, бегающего по двору за нашим любимым псом. Я представляла улыбки и лица близких людей, но сейчас, казалось бы, и они медленно стираются из недр моей памяти. Уже не различаю границ и силуэтов, только невесомые образы, едва ли не мифические, тонкие ароматы и привкус пирога с черникой, что готовила мама, застывший на моих губах. Детство кончилось так недавно и, в то же время, так давно. Я не помню друзей и знакомых, их имен и Дней Рождений. Я помню лишь то, как сильно была нужна кому-то в прошлой жизни. Сейчас же нет меня, и нет моего прошлого. Мобильный выскользнул из рук и с шумом ударился оземь. Сознание отключилось, а тело рухнуло на холодный пол. Бледная кожа соприкоснулась с кафельной плиткой, холод ее передался мне. Последним, что успела увидеть, была вода, миновавшая края раковины, ударяющаяся о пол и разлетающаяся мелкими брызгами по ванной комнате. Скоро все пройдет. Скоро откроется новый путь, новое начало. Я так хочу этого, но... все-таки надежда... несбыточна? Рада хотя бы тому, что еще не разучилась мечтать. Это так тяжело, но... дайте только шанс.

Осторожно открыла глаза, лениво и чуточку сонно. Сочная зеленая трава щекотала веки, путалась в ресницах. В воздухе пахло счастьем, неподдельным и настоящим. Я приподнялась на локтях — вокруг было поле, сплошь усеянное разноцветными огоньками полевых цветов. Небо столь ясное, чистое, безоблачное. Круглолицее солнце сияло над головой в сотни раз ярче привычного. Не знаю, когда в последний раз удавалось видеть подобную красоту. На мне бирюзовое платье с тонким черным ремешком, любимые лодочки, что подарил отец ко дню совершеннолетия. Волосы такие длинные, насыщенного рыжего цвета, как когда-то. Я поднялась с земли и сделала первый несмелый шаг. Боже, как трудно он мне дался!словно это первый шаг за всю мою жизнь. Узкая тропинка вела куда-то вдаль, я следовала по ней, постоянно оглядываясь по сторонам и впитывая в себя диковинную красоту окружающего мира. Вскоре на горизонте показался дом, стены которого были выкрашены в ослепительно белый цвет, а треугольная крыша покрыта красными черепицами. Я чувствовала, что бывала здесь раньше, но не могла вспомнить — когда. На поляне около дома мне удалось заметить юношу. Высокий, стройный, лицо усеяно веснушками, а волосы отливают медью при свете дня. Черты лица так знакомы. Они напоминали мне о ком-то близком. А если это он и есть? **Постойте**, не может быть... это — мой брат?! Я постаралась вспомнить его имя, но все попытки потерпели крах. Спустя секунду двери дома отворились, оттуда вышла улыбчивая пара, мужчина держал женщину под руку. Они подошли к мальчику и обняли его — так трепетно и так бережно, словно он единственное, что составляет смысл их жизни. Лицо отца семейства беспокоило: седые брови сдвинуты домиком, улыбка

выглядела натянутой. Он так постарел. Папа... Женщина, напротив, радовалась очень трогательно. Ее длинные ресницы видны издали, она хлопала ими изумленно и чуточку наивно. Я ощутила острую необходимость приблизиться к ним, коснуться, почувствовать ближе. Сердце неприятно ныло в груди и билось слишком часто, чаще обычного. Я сделала робкий шаг... еще один... побежала навстречу семье. Но именно в этот момент брат похлопал отца по плечу и все трое направились в дом. Я бежала изо всех сил, рвалась за ними, но не могла вспомнить имен, чтобы окликнуть, чтобы позвать. Голос пропал, не было сил выкрикнуть хоть слово вдогонку. Как только я приблизилась к крыльцу, двери перед моим носом захлопнулись. Я билась о них, стучала, нажимала на ручку — все без толку. Подойдя к окну, увидела, как мама отправляет сына наверх. Они же вместе с отцом остались в гостиной. Он ласково обнял свою жену за плечи, а после подошел к камину и снял с него фотографию. Долго смотрел на нее, сжимал в ладонях, но лишь тогда, когда в глазах его появился выраженный влажный блеск, я поняла, кто изображен на том фото. Папа медленно высвободил черно-белый снимок из створок серебристой рамки, показал его матери, а после коснулся солеными губами. Секунды не прошло, как фотография отправилась в камин. Языки пламени недолго ласкали ее в своих объятиях, вскоре от памяти не осталось ничего, кроме горстки пепла. Я впервые за долгое время смогла заплакать, несколько раз ударила кулаком толстое стекло, умоляя пустить меня, простить и принять назад. Но родители взяли за руки и поднялись по лестнице к единственному своему ребенку, единственному, достойному быть их ангелом. Свет потух, солнце скатилось за горизонт, я осталась совершенно одна рядом с домом, чьи двери для меня отныне навсегда закрыты. Тело обвивал холодный ветер, рыжие волосы разметались по плечам, глаза болели от слез. Но вскоре этот сон развеялся, и я очнулась.

Я медленно приподнялась на локтях, но нехватка сил тут же дала о себе знать — камнем рухнула на влажный кафель, впитавший в себя аромат текилы, а еще моего тела, практически безжизненного, продрогшего. Ручеек из крана больше не струился, кто-то перекрыл его вовремя, иначе случился бы непредвиденный потоп. Я встала на колени, сжала в руке мобильный, собрала всю волю в кулак. Вот опираюсь на одну ногу, вот уже на две. Подойдя к раковине, намеренно растягиваю тишину и сомневаюсь несколько минут, прежде чем кинуть телефон в воду, но все-таки делаю это — раз и навсегда. Сигнал тут же пропал, экран потух. Отражение в зеркале по-прежнему выглядело, мягко говоря, паршиво. Чей-то смех все так же доносился из-за стены. Лениво стерев тушь со щек, я направилась в комнату.

Майки взглянул на меня равнодушно и презрительно, а после протянул фотографию, где были изображены мы с ним — светлые, улыбчивые, в парке аттракционов два года тому назад. Я присела на диван и осторожно свернула снимок в аккуратную трубочку, а после склонилась над глянцевой поверхностью журнального стола и втянула в себя короткую дорожку белого порошка, проглотила ее через нашу невинную в прошлом любовь, представленную на фото, а после откинулась на спинку и сдавленно улыбнулась своим мыслям. Мое сознание больше не чувствовало печали, тоски, любви или угрызений совести. Лишь мимолетная радость до следующего приступа катастрофического одиночества. Сердце не рвалось из груди, а тихо тосковало в темнице выдохшейся оболочки. И я больше не помнила... ни брата, ни отца, ни Донни. Последние слова сорвались с моих губ, и этими словами было тихое, короткое, но бесконечно значимое: Прости меня, мама.

Недолюбливали друг друга коньяк и самогонка

Недолюбливали друг друга коньяк и самогонка. Крепко недолюбливали. Неприязнь была такая, что от одних только взглядов косых мороз по коже моментально пробирал обоих, градусов сорок, а то и выше.

Разные они, конечно, кто спорит, во многом разные: самогонка не гордой была особой, звезд с неба не хватала и по бомондам не шлялась; коньяк же, напротив, только в высшем свете и обретался и настолько к звездам равнодушен стал, что звездной болезнью заразился. Три звезды уже ему до звезды — не менее пяти подавай; чинодрал, одним словом.

К негордым в обществе отношение соответственное: гнали самогонку повсеместно и оскорблениями в ее адрес при этом сыпали. Как только не называли: кто сивухой, кто бормотухой — натерпелась женщина. Коньяк выдержку имел, в споры не влезал, звезды накапливал, его и трогать боялись по пустякам, поводы искали серьезные. Помещения жилые тоже у каждого сильно отличались: коньяк индивидуально в бутылке элитной квартировал, самогонка чаще в коммунальном бидоне проживала. Праздники по раздельности праздновали.

Как-то раз встретиться им все-таки пришлось: на дорожке узкой в одном горле оказались. Сначала, конечно, коньяку приглашение пришло, а уже через пару-тройку часиков и самогонкой не побрезговали, в то же горло залили — хорошо пошло. Мира у них и там не оказалось, хотя чего, казалось, делить: из закуси лимон, и тот один всего.

Не переваривали они друг друга, даже в желудке брожения учиняли, лимон в разборки втравливали. В конечном итоге, опротивели разборками своими и исключены были навечно из членов желудочного кооператива. На улице оказались однородной массой — пойди, разбери кто из них кто. Существует все-таки социальная справедливость на свете...

Допекли с утра блин, ой, как допекли

Допекли блин с утра, ой, как допекли...

Лежит на сковороде, вроде и пышный, и на соде, а счастья нет. Какое счастье, когда вокруг одна черная беспросветность в виде все той же чугунной сковороды? Ни вправо, ни влево не повернешься.

—Вот блин, — думает блин, — замкнутый круг.

Начиналось вроде бы неплохо, сам-то верткий, развернуться может. Прикидывает: внутри горит все, впереди перспектив море; жизнь как по маслу пойти должна — масленка на виду красуется. От гордости уже его прямо распирает стало, да чувствует тут вдруг легкое охлаждение со стороны, а потом еще и встряску. Прокралась мыслишка: что-то не то. Недопеченным, обозвали... Яснее ясного: запахло жареным. Подбросило всего, конечно, — нож в спину как-никак, любой не выдержит, не выдержит и козни начнет строить, как в горле кому-то комом стать.

От предвкушений сладкой мести тело прямо пупырышками покрылось, напрягся весь, вот-вот чернеть от злости начнет; но вовремя повышение назначили: на стол перевели. Обмяк блин, почести как должное принимает, жизни радуется.

Дурак, не знает он одного: если допекут, а потом умасливают, съесть хотят...

Я смешная деревянная кукла,
Я влюбился в тебя без остатка

Когда я увидел тебя, я понял — мир изменился. Потому что изменился я. Я почувствовал, что свободен. По-настоящему свободен. Меня не удерживали нити, продетые сквозь мои ладони и ступни. Я смотрел на твои румяные щёки и огромные голубые глаза. Я впитывал тебя. Я шагнул к тебе. Сам. Никем и ничем не направляемый. Неуправляемыми ногами. И протянул к тебе руки. Скрипнули мои деревянные суставы, и получился не шаг, а падение. Я упал на тебя. Ты отчаянно моргнула своими пластиковыми ресницами. Скрипнули твои шарниры. Но вместе мы устояли. Мне стало стыдно. Но я не мог не любоваться твоими глазами, губами и голубыми волосами. И впервые я почувствовал, что дышу. Что я жив. Мои плечи то подымались, то опускались. Я посмотрел на тебя и увидел, что ты дышишь тоже. Дышишь полной грудью. Я невольно поднял руку и прикоснулся к твоим плечам. Ты задержала дыхание. Я всё понял. И мне уже не было так стыдно за своё падение. Я прошептал: «Я так счастлив». И прикоснулся губами к твоей щеке, добавив: «Я ощущаю тебя рядом и понимаю, что я свободен». Ты закрыла глаза и выдохнула: «Я тоже». Я понял, что любовь дарит свободу. Дарит счастье. И возможность дышать. Любовь делает меня живым. Вернее, не любовь, а ты.

И я целовал, гладил тебя, слушая твоё прерывающееся дыхание. Наши деревянные губы немного постукивали, шарниры скрипели, было трудно шевелиться, но это было прекрасно.

А потом всё закончилось. Снова появились нити. И нас растащили по разным углам. Я больше тебя не видел. И не хочу слышать слухов о том, что тебя нет.

Вчера я слышал голоса сверху. Они говорили: «Такой казус — взяли и спутались нитками. Это из-за той старой куклы. Самая страшная Мальвина из тех, что я видел! Слава Богу, не долго распутывали. Давно надо было её выбросить».

Возможно, я смешная деревянная кукла на ниточках. Возможно.

Может быть, тебя выбросили. Может.

Но я знаю, что нужно делать. Нужно оборвать нити и научиться ходить без них. Говорить без них.

Научиться дышать. Научиться жить.

Любить и быть свободным я уже умею.

Я знаю, как это. Ты показала.

Светлана Дурягина Сказки бабушки Светы

Внуки — удивительные существа,
о них хочется сочинять сказки.
С.В.Дурягина

Белый цветок

Жила-была девочка. У неё были маленькие ручки, маленькие ножки, носик пуговкой, две косички и большие синие глаза. Из-за них её и прозвали Синеглазкой. Девочка любила маму с папой, своих бабушек и дедушек, тётушек и дядюшек, а ещё — петь тоненьким голоском песенку про Таню, которая уронила в речку мячик. У Синеглазки была подружка, большая кукла Даша, которая часто пачкалась. Синеглазка её ругала за это грязнулей и приучала мыться в ванной. Она намыливала Даше руки, ноги, лицо; мыло попадало кукле в глаза и рот, но Даша никогда не плакала и всегда радостно улыбалась девочке. За это Синеглазка её очень любила и хорошо кормила всем, что ела сама: супом, кашей, конфетами, мороженым. От этого Дашина одежда постоянно находилась в стирке, и ей часто приходилось голышом ездить на машине, скакать на лошади и даже гулять по сугробам. Но ей было не холодно, потому что Синеглазка никогда не забывала надеть кукле на голову связанную мамой тёплую шапку.

Как-то раз мама посадила в горшочек с землёй семечко, и вскоре появился маленький зелёный росток, который позже превратился в красивый белый цветок на тонкой ножке. Синеглазка очень любила смотреть на него, поить водой, а иногда осторожно трогать пальчиком его нежные лепестки. Она строго-настрого запретила Даше срывать цветок, потому что он красивый, а красоту надо беречь.

Даша с девочкой, как всегда, охотно согласилась.

Так бы и жили Синеглазка с Дашей, любуясь на свой ненаглядный белый цветок. Но однажды в их детсадовской группе заболела девочка Саша. Она болела очень долго, лекарства не помогали ей выздороветь. Синеглазка с мамой пошли навестить её.

Саша лежала в постели очень бледная и грустная. Она не встала, чтобы поиграть с Синеглазкой, не обрадовалась апельсинам и конфетам, которые ей принесли. И Синеглазке стало так жаль Сашу, что она начала думать, чем бы её порадовать. Когда они с мамой снова навестили больную, Синеглазка заметила, что в Сашиной квартире совсем нет цветов, и от этого там было как-то хмуро и неуютно. А у Синеглазки дома цветов было много: и на подоконниках, и на столах, и на полках, потому что они с мамой любили цветы и папу приучали их любить. Мама говорила, что цветы радуют глаз и делают квартиру похожей на сад. И Синеглазка догадалась, почему Саша никак не может поправиться: ничто не радует её глаз.

Вечером, когда мама пришла с работы, Синеглазка сказала ей:

— Мамочка, давай подарим Саше наш белый цветок.

Мама поцеловала Синеглазку и сказала:

— Молодец, доченька!

А потом она бережно завернула горшочек с цветком в мягкую ткань, чтобы он не замёрз, пока его несут по улице, и они отнесли его Саше.

Когда Саша увидела белое чудо на тонкой ножке, глазки её засияли от радости, и она тихонько засмеялась. А вскоре Саша выздоровела, пришла в детский сад, и они с Синеглазкой снова стали вместе играть и гулять.

У кошки Ксюши было два котёнка: Куся и Снежинка.

Куся был чёрный-пречёрный, большой-пребольшой, с круглыми жёлтыми глазами, острыми белыми зубами, которыми он хватал всех за пятки, когда лежал во время обеда под столом, за что его и прозвали Кусей.

Снежинка была маленькая, беленькая, только на макушке между ушками — чёрный завиток, словно её специально пометили, чтобы она не потерялась во время прогулки.

У обоих котят, как сказал дедушка, была повышенная лохматость. Синеглазка не поняла, что это значит, но с удовольствием причёсывала котят дедушкиной расчёской. А ещё она любила бегать по дому с верёвочкой в руках, на конце которой был привязан бумажный бантик, и котята наперегонки бегали за ней, стараясь бантик схватить. Если Кусе удавалось это сделать первым, он вцеплялся в бантик всеми четырьмя лапами и зубами, громко урчал, а Снежинка, пользуясь моментом, кусала его за уши или за хвост, потому что обычно кот так поступал с ней, когда его лапы и зубы были свободны. Ксюша очень следила за тем, чтобы её дети были чистыми и сытыми — она целыми днями то вылизывала их, то кормила. Поэтому Снежинка, несмотря на малый возраст, была толстенькая, как снеговик, и часто шлёпалась при беге (лапки у неё разъезжались под тяжестью туловища, и на поворотах её заносило).

Куся присасывался к Ксюшину животу, пока бабушка не видела. Но он так громко чавкал от удовольствия, что бабушка приходила на звук, ругала его бесстыдником и шлёпала полотенцем. Куся обижался и не хотел играть с Синеглазкой. Тогда девочка усаживалась на свою замечательную лошадку и устраивала кавалерийскую атаку на Кусю. Кот отчаянно орал, бросался на дверь, и бабушка, не выдерживая этого сумасшедшего ора, отправляла его на улицу. Однажды Ксюша решила вывести своих детей на прогулку. Все трое они уселись перед дверью и смотрели на неё до тех пор, пока бабушка не догадалась выпустить кошачье семейство на волю. Троица вышла на крыльцо и устроилась на верхней ступеньке, жмурясь от яркого солнца. Ксюша была очень рада, что Снежинка подросла и теперь вместе с ней и Кусей может погулять. Бабушка в этот день купила новую краску для волос и решила покраситься. Она намазала голову, ожидая обещанного на коробке русого цвета, но через несколько минут обнаружила, что её волосы приобрели угрожающий фиолетовый оттенок, который ей совсем не понравился, а Синеглазка не смогла скрыть своего восхищения и сказала, повиснув у неё на шее:

— Бабушка, какая ты красивая!

В это время дедушка отпустил с цепи пса Тишку, который очень любил стоять на крыльце, положив передние лапы на перила. Тишка сломя голову помчался на крыльцо, и не успела Ксюша объяснить Снежинке правила поведения на улице, как перед её мордочкой вдруг разверзлась зубатая пёсья пасть, в глубине которой Снежинка могла исчезнуть в одно мгновение. Куся моментально оказался на яблоне, зацепившись за ветку передними лапами и отчаянно пытаясь подобрать задние. А Ксюша из пушистой красавицы вдруг превратилась в свирепое чудовище. Она злобно хрипела, размахивая перед носом опешившего пса когтистыми лапами и щёлкая оскаленными зубами. Снежинка же, впервые в жизни увидевшая собаку, нисколько не испугалась. Она дружелюбно разглядывала залиvisto лающего пса, и если бы не бабушка, возможно, кошачье семейство уменьшилось бы на одну треть. Бабушка выбежала на крыльцо и прогнала Тишку. Благодарная Ксюша, громко мурлыча, тёрлась о бабушкину ногу, Снежинка радостно скакала по крыльцу за мухой, а Куся шмякнулся с яблони на клумбу, торопливо полизал ушибленный хвост и присоединился к семейству.

Так в очередной раз красота спасла мир.

Как Даша заболела

Однажды Синеглазка пришла к бабушке очень грустная: у неё текло из носа, болела голова, и все конфеты казались невкусными. Даша, как всегда, встретила подружку улыбкой. Кукла была в вязаной шапке и очень хотела гулять. Но бабушка заявила, что сопливым на улице делать нечего, сначала надо вылечиться. И тогда Синеглазка сказала Даше строгим голосом:

Что ты придумала? Ты же болеешь! Будем лечиться.

Даша, не раздумывая ни минуты, согласилась.

Бабушка наварила картошки, поставила кастрюлю на стол, взяла Синеглазку на колени, а в руки ей дала наволочку. Они накрылись с головой и стали дышать горячим воздухом. А чтобы в темноте было нескучно, бабушка предложила спеть песню про Кусю, и Синеглазка громко запела:

Раз, два, три, четыре, пять
Вышел Куся погулять.
Вдруг собачка прибежала
Стала Кусеньку кусать.

Ты, собачка, убегай,
Больше Кусю не кусай.
А то Ксюшенька придёт,
Тебе попу надерёт.

Когда песня закончилась, Синеглазка закричала:

— Бабушка, у меня сопли побежали!

А бабушка и говорит:

— Ты лови их, внученька, в наволочку.

Синеглазка так и сделала.

Когда лечебная процедура закончилась, бабушка надела Синеглазке на голову платок, а на ноги толстые носки. Девочке это очень не понравилось, но пришлось терпеть. Она тяжело вздохнула и сурово обратилась к беспечно улыбающейся Даше:

— Ну, и чего ты сидишь? Теперь твоя очередь картошку нюхать. А то совсем разболеешься.

И кукла, как всегда, охотно согласилась с Синеглазкой.

Нам электронный адрес— gazeta_buk@mail.ru

Адрес нашего сайта— <http://gazeta.atakasov.pp.ru>

Адрес нашего форума— <http://gazeta.atakasov.pp.ru/forum/>

Наша группа вКонтакте— <http://vkontakte.ru/club5903087>

Наша страница на сайте proza.ru— <http://www.proza.ru/avtor/gazetabuk>

Наша страница на сайте stihi.ru— <http://stihi.ru/avtor/gazetabuk>